

Девочка из прошлого

Автор:

[Слава Доронина](#)

Девочка из прошлого

Слава Доронина

Однолюбы #3

– Наташ, сколько ему? – спрашивает брат и протягивает руки к Тимуру. – А если бы я случайно в гости к тебе не приехал и дальше молчала бы, что сына родила? Динар о нём тоже не в курсе?

Чувствую, как по щекам текут слёзы и отворачиваюсь.

– Он сейчас у вас в городе. Вы виделись?

– Буквально на днях. Он будет вести бизнес с Градским. Максим, прошу, ничего ему не говори о Тимуре, ладно? Он скоро улетит, а я... Мне страшно пережить эту боль снова. К тому же я согласилась дать Илье шанс...

Брат тяжело вздыхает.

– Я-то не скажу, но если он его увидит, без слов всё поймёт. И тогда, Наташка, что будешь делать?

Слава Доронина

Девочка из прошлого

1 глава

Наташа

– Ну и вид, Наташа. – Яна смотрит на меня через зеркало, поправляя причёску, когда я появляюсь в кабинете. – Ты вообще не спишь?

Грустно усмехаюсь, проходя мимо цветущей подруги.

– Сегодня очень мало. Тим опять приболел, – выдыхаю устало и сажусь за стол. Включаю ноутбук, зеваю. – Кофейку бы. Чуть не заснула за рулём, пока добиралась до офиса.

Яна поворачивается и продолжает рассматривать меня жалостливым взглядом.

Вспоминаю, как Тимур капризничал утром и не хотел меня отпускать. Сердце сжимается в такие моменты. И как назло, сегодня куча дел – не уйти пораньше. Плохая была идея вести два проекта одновременно. Всё время в какой-то беготне: учусь, работаю, пытаюсь везде успеть, а к концу дня как выжатый лимон, и единственное, о чём мечтаю, – лечь в кровать. Ни на что времени не хватает. Но каждое утро маленький человечек тянет ко мне руки, и я понимаю, ради кого стараюсь. Хочу дать Тимуру только самое лучшее.

– У меня нет детей, но от одной мысли, что буду нести ответственность за кого-то, кроме себя или мужа... Не представляю, как ты со всем справишься? У меня постоянно голова чем-то забита, и всё время что-то да забываю. Вчера, например, ты уехала, а мне позвонила какая-то дурочка и давай предъявлять претензии. А потом выясняется, что она номера агентств перепутала. Я такой стресс пережила. Витя же сразу скажет, что такую мелочь и то не смогла решить, всё запорол. Нам ведь сейчас важна репутация, а она грозилась разнести на всю сеть, какие мы недобросовестные.

Я смеюсь.

– Ну всё же обошлось?

– Да, обошлось, и сразу такое чувство облегчения появилось, когда она извинилась и трубку положила. Весь мир захотелось обнять.

– Ну вот у меня примерно те же ощущения, когда Тим болеет, а потом ему лучше становится, и тут же краски в жизни появляются.

Мы пьем кофе, обсуждая планы на день, и я сажусь за работу. Через два часа набираю няне с рабочего телефона – свой забыла дома. В обед нужно будет смотаться в аптеку, и заодно телефон заберу. Няня отчитывается, что Тиму стало лучше и он заснул. Я немного успокаиваюсь, но всё равно чувствую угрызения совести, что нахожусь сейчас на работе, а не рядом с сыном.

– Наташа, – окликает Яна, протягивая свой телефон, – это Витя. Говорит, что не может до тебя дозвониться.

– Здравствуй, Наташа. Что с твоим телефоном? – строгим голосом спрашивает Градский.

– Извините, Виктор Валентинович, дома забыла. Закружилась. Сын приболел.

– Что-то серьезное? – уточняет он.

– Обычная простуда.

– Ну хорошо. Наташа, ко мне сегодня люди из Москвы прилетают. Среди них есть американцы – без переводчика никак. Я весь день с Ильёй на объекте за городом. Пётр за тобой подъедет через два часа. Инструктаж проводить не буду. Ты в курсе, что делать и говорить. Муслиму в отель я сейчас сам позвоню. Всё поняла?

– Да, Виктор Валентинович, поняла. Всё будет сделано по высшему разряду.

– Ты уж постарайся, Наташа. А если сделка выгорит, премией не обижу, – обещает Градский и кладёт трубку.

Надеюсь, его делегация ограничится парой-тройкой дней, потому что майские праздники я планировала провести с Тимуром и Ильёй за городом.

– Опять мой работы подкинул? Что на этот раз?

– Всё как всегда. Хлеб-соль, размещение в отеле, пара экскурсий и ужин в ресторане. Американцы летят, а так, может быть, пронесло бы и Виолетта сама бы справилась. Ну да ладно.

Премия лишней точно не будет. Я как раз собираю сумму, чтобы купить здесь собственное жильё, а цены на юге просто космические. Даже если продать дом в Гатчине, не хватит на квартиру мечты.

– Так что ты сегодня опять одна. Скинь мне вечером всё на почту, я гляну, как вернусь домой.

– Ничего я тебе кидать не буду. Выспись лучше, сама тут всё доделаю. Не переживай.

Я беру сумку и смотрю на часы. Надо заехать в аптеку и домой за телефоном, заодно переодеться и накраситься. Возможно, даже успею перекусить – ничего во рту ещё не держала, кроме кофе и пары печенек.

Поднимаюсь в квартиру и успеваю застать детского врача, которого вызвала утром. Он смотрит горло Тимура, слушает лёгкие и выписывает ещё препараты. Пока мы с Тимом возимся в детской, а потом я крашу глаза, Серафима уходит в аптеку докупить лекарств.

– Если что, я на телефоне. Звони.

– Всё будет хорошо, Наташ, – заверяет Сима, и они с Тимуром провожают меня до двери.

Чмокаю сына в пухлую щёчку. Какой же он у меня красивый и умненький мальчик. Моё маленькое счастье.

До аэропорта добираюсь вместе с Петром Андреевичем, заместителем Градского. Одна с семьёю мужчинами я не справлюсь и заранее прошу Виолетту помочь. Нужно будет предложить ей заняться английским. Если у нас с Яной дела пойдут в гору, то я займусь новым проектом, и Градскому придётся искать

мне замену. За три года я успела выучить ещё два языка. Всё же это определённо моё. У Макса с детства ладилось с цифрами, а у меня – с буквами и речью. Тим этим в меня пошёл. Я всерьёз думаю о том, чтобы начать заниматься с ним английским. В свои два с небольшим он уже хорошо говорит и чётко произносит слова. Особенно эта разница в развитии заметна, когда мы выходим на детскую площадку. Среди детей своего возраста Тим явный лидер.

– Обожаю, когда приезжают иностранцы. И особенно молодые. Я смотрела сегодня списки, так вот, там всем чуть больше тридцати.

– Почти все партнёры Виктора Валентиновича одного с ним возраста.

– Ага. Нам это на руку, правда? – Виолетта толкает меня в бок, а я закатываю глаза.

Замечаю, что Пётр Андреевич здороваётся с кем-то из группы прилетевших, и, когда он кивком головы подзывает, направляюсь к нему.

– Наташа, это Павел Владимирович Измайлов, – представляет он меня мужчине, с которым однажды мне уже довелось общаться. – Генеральный директор “Ротагет Инвест”.

Я с трудом изображаю приветливую улыбку. Даже отдалённое напоминание о прошлом отзывается внутри странной дрожью.

– Добрый день, Наташа, – кивает Измайлов и смотрит на меня, чуть прищурившись.

Он узнал меня. Тут же пробегаюсь взглядом по лицам, стоящих в стороне от него и немного успокаиваюсь. Призрака прошлого среди них нет.

– Пётр Андреевич, я в списках не указал ещё двух человек. Они прилетят из другого города. Внесите в вашу программу на сегодняшний день.

– Они русские? – уточняет Северьянов.

– Да, русские, – говорит Измайлов, не сводя с меня глаз.

– Хорошо. Виолетта останется встретить ваших людей, а Наташу закрепляю за вами и вашими людьми. Идёмте.

Я слышу, как Измайлов называет Виолетте фамилию Динара, и сердце пропускает удар, а потом начинает стучать, как сумасшедшее. Страшно представить, что будет, когда увижу его? Лишусь чувств? Интересно, изменился ли он? Всё ещё женат на Катине? С ней прилетит? Жаль, я не услышала вторую фамилию.

Иду к машине, не чувствуя ног. Достāju телефон и проверяю в интернете все рейсы, которые прилетают сегодня из Петербурга. Хочу знать, сколько у меня времени, чтобы собраться с мыслями. Но было бы правильнее придумать какую-нибудь отговорку и сбежать. И даром такие премии не нужны.

– Всё нормально? – спрашивает Пётр Андреевич, когда меня немного ведёт в сторону. – Ты чего такая бледная?

– Всё хорошо, – отвечаю, до сих пор не веря, что скоро увижу Динара.

Я столько раз прокручивала в голове нашу встречу, но и подумать не могла, что она произойдёт при таких обстоятельствах.

2 глава

Наташа

– Наташ. – Виолетта трогает меня за локоть. – Можно тебя на минутку?

Извиняюсь перед Джоном и отхожу вместе с помощницей Градского в сторону.

– У меня форс-мажор, прикрой, а?

– Что случилось? – Смотрю на неё беспокойным взглядом.

– Сестра позвонила. Кажется, ногу сломала. Нужно отвезти в травмпункт. Может, ничего серьёзного. Если так, то скоро вернусь. Имей в виду, чёрненький красавчик, который сейчас смотрит в нашу сторону, – только не оборачивайся – мой. Я как увидела его в аэропорту – дар речи потеряла.

Сглатываю огромный ком в горле. Судьба таки догнала меня в самый непредсказуемый момент. «Чёрненький красавчик» находится в ресторане уже час, и весь этот час я чувствую себя не в своей тарелке и стараюсь даже не смотреть в сторону Асадова. Он прилетел с Бергом. Без Карины. И это немного радует, потому что Романова и такт несовместимы. Она бы не постеснялась и подошла, но у меня давно нет желания общаться ни с Динаром, ни с его помощницей. После того как Асадов разбил мне сердце, какие-то осколки всё же удалось собрать и склеить. И то, лишь благодаря появлению Тима. Если бы не беременность и рождение сына, не знаю, как бы тогда всё пережила.

Я поворачиваю голову и украдкой смотрю на Динара. До сих пор кажется, что это галлюцинация или плод моего богатого воображения. Но нет. Это он. Его лицо всё так же красиво, взгляд глубокий и холодный. Асадов почти не изменился. Когда-то я безумно его любила. Так сильно, что, просыпаясь по ночам в его руках, смотрела в красивое лицо, перебирала руками жёсткие волосы и плакала от счастья, что он со мной и мои чувства взаимны. Но моим он никогда не был. Я просто хотела так думать. Точнее, он позволял мне так думать.

– Наташ? Слышишь меня? Где витаешь? Даже не смотри в его сторону! Знаю я тебя: стоит тебе улыбнуться ему раз, а мне потом из кожи вон лезть, чтобы его внимание на себя перетянуть.

Скольжу взглядом по его облику. На нём чёрные брюки и белая рубашка. Поднимаю глаза выше, туда, где в ворота видны шея и бугорок кадыка. Татуировки не видно, но я помню рисунок до мельчайших подробностей, как и тот, что на правой лопатке.

– Виолетт, за мной Илья ухаживает. Я ни на одного мужчину в этом зале не претендую.

– Ну да... Ракитин, – усмехается она. – Так вы действительно вместе? Я думала, это всё слухи...

– Нет, не слухи. Мы вместе.

– Ну тогда я точно спокойна. Илья достойный мужчина. Ладно, я буквально туда и обратно.

– В прошлом году я плечо вывихнула, когда мы ездили с Ильёй в парк кататься на велосипедах. Он привёз меня в травмпункт, и мы застряли там на два часа. А здесь перелом. Так что вряд ли ты быстро вернешься.

Виолетта грустно вздыхает и идёт через зал. Я замечаю, что она останавливается рядом с Динаром и что-то у него спрашивает. Три года – немаленький срок. За это время я должна была бы многое забыть и не реагировать так на этого мужчину, но меня всё равно потряхивает, стоит задержать на нём взгляд. Возможно, от ненависти? Он растоптал мои чувства и причинил боль. Но нет, ненависть давно прошла.

Вскидываю подбородок, когда холодный тёмный взгляд задерживается на моих глазах, скользит по лицу, запутывается в волосах. Я зачем-то вспоминаю ту ночь в Австрии, когда умоляла его сделать своей, а следом, как вспышка, вечер, когда ушла от него и ждала, что вернёт. Не вернул. Тем не менее я благодарна ему, что он был в моей жизни. Многому меня научил. Например, что людям никогда нельзя доверять до конца. От взрыва, который случился внутри в тот злополучный вечер, осталась воронка чудовищных размеров и пустота.

Мы продолжаем беседу с Джоном, и я замечаю, что Измайлов с Асадовым покидают ресторан. Динар не подошёл ко мне. Лишь коротко кивнул в знак приветствия, когда меня увидел. Посчитал неуместным? Почему-то чувствую огорчение. Наверное, я всё-таки хотела бы с ним поговорить. Не знаю, что скажу – просто хочу услышать его голос.

Примерно через час в ресторане появляется Градский вместе с Измайловым и Асадовым. Два года назад Илья предложил мне перейти на другое место работы, сказав, что не может больше пересекаться со мной каждый день, зная, что я не готова дать ему шанс и ответить взаимностью. Я тогда Тима только родила. Какие мне отношения? Перешла к Градскому не раздумывая, а Илья

после работы стал часто заезжать к нам с Тимуром. И продолжал делать это на протяжении года. А два месяца назад прижал меня к стенке после случайного поцелуя в парке и снова попросил дать ему шанс, пошутив, что насильно поведёт меня в ЗАГС. Начал настойчиво ухаживать, и я сдалась. Не знаю, правильно ли поступила, но мне приятно с ним встречаться и проводить время. Разве обязательно при этом испытывать всепоглощающую страсть? Чтобы кружилась голова от поцелуев? Мне кажется, я давно разучилась подобное чувствовать. И не уверена, что когда-нибудь ещё полюблю, но для Тима он будет прекрасным отцом. К тому же Илья ни разу не упрекнул меня за связь с Асадовым. Даже имя его не упоминает, будто его и не было в моей жизни... А может, и в самом деле ничего не было?

Люди потихоньку расходятся. Джон просит сопроводить его до отеля – шутит, что заблудится, и ему в таком случае всё равно потребуется помощь переводчика. Не в первый раз я получаю намёки от мужчин на продолжение знакомства. Поначалу одна только мысль, чтобы подпустить к себе кого-нибудь, вызвала стойкое отторжение и неприятную дрожь. Хотелось раздавать пощёчины направо и налево всем, кто посмел посмотреть на меня вождедеющим взглядом, а потом вдруг пришло равнодушие. Теперь у меня есть мужчина, которого я люблю больше жизни, и сейчас он ждёт меня дома. Знаю, что он не предаст и всегда будет рядом со мной.

Выхожу из здания, мило улыбаясь Джону. Американец пытается уговорить меня поехать вместе с ним, и, когда я говорю чёткое и твёрдое «нет» на английском, по-русски добавляя другие нелестные слова, берёт меня за руку и силой тянет к машине. Видимо, он что-то перепутал. Я переводчица, а не девушка, оказывающая интимные услуги гостям из зарубежья.

– Руки от неё убрал, – слышу за спиной строгий голос, от которого по телу бегут мурашки.

Асадов разговаривает на чистом английском. Просит своего компаньона поменьше увлекаться выпивкой и местными достопримечательностями. Джон отпускает меня, желает приятного вечера и уезжает.

Я медленно поднимаю глаза, встречаясь с чёрными омутами. Пульс учащается, а паника внутри нарастает. Усилием воли пытаюсь взять себя в руки. Я ведь больше не маленькая и доверчивая Наташа.

– Не ожидал тебя здесь встретить. Давно работаешь у Градского? – интересуется Динар.

Я вызвала такси ещё в ресторане. Осталось продержаться всего ничего. От силы пять минут.

– Да, последние два года. Параллельно веду туристический бизнес с его женой.

Наш разговор со стороны чем-то напоминает беседу давних знакомых. Но это лишь со стороны. Динар опускает глаза и задерживает взгляд на моей правой руке. Я избегаю смотреть ему в лицо. Всё же я переоценила свои силы. Даже не верится, что мы когда-то были вместе. Что бы он сказал, узнав, что у него есть сын?

– Очень рад, что у тебя всё сложилось и ты занимаешься любимым делом. Ещё красивее стала. – Его губы трогает удовлетворённая усмешка.

И что мне с этой красотой, если я несчастлива?

Улыбаться больше не получается, и находиться рядом с ним я тоже не могу. Больно. Знаю же, что скоро уедет, понимаю, что до сих пор женат, если прилетел с Бергом. Возможно, Катина беременна и они ждут ребёнка. Возможно, уже родила за этот срок, и у Тима где-то есть кровный брат или сестра по отцу. Такие же, как и мы с Максом.

Замечаю приехавшее такси и незаметно выдыхаю. Спасибо, что так быстро.

– Извини, я тороплюсь. Меня дома ждут.

Да, это намёк, что не одна, несмотря на то что нет кольца на пальце. Пусть думает всё, что хочет. Пусть даже про Тима узнает – я отпираться не буду, но и в свою жизнь впустить не смогу. Не после того, что было в прошлом. Потому что страшно заново испытать эту боль.

Перехожу дорогу, чувствуя, как жжёт спину. Держусь из последних сил, но в какой-то момент сдаюсь, оборачиваюсь, и это становится фатальной ошибкой. Асадов смотрит мне вслед всё теми же горящими глазами, как и три года назад.

Словно я до сих пор наивная, влюблённая в него дурочка. Которую он в итоге сломал.

3 глава

Наташа

Я закрываю книжку со сказками и смотрю на спящего сына, когда мой телефон начинает вибрировать на прикроватной тумбочке. Тим долго не мог заснуть. Во время болезни он ведёт себя беспокойно. Надеюсь, это действительно из-за недомогания и соплей, а не из-за того, что он чувствует эмоциональное состояние своей мамы. Когда я на нервах, он всегда плохо спит.

– Наташа, умоляю, скажи, что ты меня не бросишь. Прошу тебя. Мне с тобой так комфортно работать, – громко причитает Яна в трубку, и мне приходится выйти из спальни, чтобы не разбудить Тима. – Что я буду без тебя делать две недели?

– А теперь вдох-выдох и говоришь спокойно, что случилось.

Яна старше меня на пять лет, а ведёт себя иной раз хуже подростка. Хотя Виктору Валентиновичу такая и нужна. Инфантильная и добрая. Они дополняют друг друга. Я часто наблюдаю, как он смотрит на жену. Мне бы хотелось, чтобы меня тоже так любили. Действительно, какие им дети, когда Яна главный ребёнок в их семье, а Градский обожает супругу? Но зря она боится завести малыша: будут вместе с ним взростеть, а Виктор – задаривать их игрушками.

– Я и говорю! Услышала разговор мужа. Витя собирается на неделю или две в Москву. Контракт выгодный, терять партнёров не хочет – будет из кожи вон лезть, чтобы им угодить. А ты всегда с ним ездешь на встречи. Вот как я буду без тебя две недели?

После этих слов мне самой становится тревожно. И я напоминаю себе, что тоже нужно дышать, а не впадать в истерику, как Яна. Нет, командировки и раньше случались. Всё же работа такая, но лететь в Москву, возможно, вместе с Асадовым и его другом? На две недели? К тому же так надолго я ещё никогда

не оставляла Тима. Максимум три-четыре дня.

- Пожалуйста, скажи, что ты откажешься, - просит Яна.

Не знаю, что должно случиться, чтобы я согласилась. Если, конечно, вопрос не встанет ребром и Градский не попросит написать заявление об увольнении. Так-то содержать меня некому, а Виктор Валентинович платит хорошие деньги. Очень хорошие, чтобы от них отказываться. Замкнутый круг.

- У Вити одни дела на уме в последнее время, на всё остальное ему плевать, - жалуется подруга.

- Не разводи панику на пустом месте, - спокойно говорю я и иду к аптечке. - Может быть, ты что-то не так поняла. Виктор Валентинович знает, что мы с тобой ведём проект, к тому же у меня маленький ребёнок и я мать-одиночка. Ну какие две недели?

Хорошо иметь в подругах жену генерального. Всегда в курсе всех новостей и знаешь, к чему быть готовой. Хотя бы вовремя таблетку успокоительного можно принять, чтобы потом хладнокровнее воспринимать действительность.

- Всё я правильно поняла. согласишься, да?

- Если вопрос ребром поставит, мне придётся это сделать. Это у тебя есть муж и надёжный тыл, а у нас с Тимом здесь никого. Я давно привыкла, что могу надеяться только на себя. И потерять работу, сама понимаешь, не могу.

Яна грустно усмехается.

- В общем, я что звоню. Ты же не против, если я буду ему ныть, что не справлюсь без тебя?

- Я только за. У меня нет желания оставлять ребёнка с няней так надолго. Так что дерзай. А я со своей стороны поплачусь, когда вызовет к себе в кабинет. Но обычно он всё преподносит в ультимативной форме. Так что вся надежда на тебя.

Яна завершает вызов, а я подхожу к окну и смотрю на фонари, которые отбрасывают свет на детскую площадку. Какова вероятность того, что Асадов тоже будет в это время в Москве? Мне стоит паниковать раньше времени? Может быть, удастся отправить вместо себя Виолетту? Вот же ленивая вертихвостка! Я целый год за ней хожу, предлагаю бесплатно обучать английскому, но она ни в какую. «Мне и базового хватает», – говорит. А я теперь в каждой дырке затычка? Вот что за несправедливость!? А как же майские праздники? Может быть, всё решится без меня?

Ночью долго лежу без сна, смотрю на спящего Тима, и от нежности всё сжимается внутри. Я и не думала, что можно так кого-то любить. Лишь однажды испытывала такие сильные чувства. Но они давно в прошлом.

Глажу маленькие пальчики, смотрю, как подрагивают длинные чёрные ресницы. Тим засовывает палец в рот – недавно появилась эта привычка – и сладко причмокивает. Невозможно смотреть без улыбки.

Просыпаюсь от напоминания в телефоне. Нужно позвонить Макс. У девчонок на днях был день рождения, и моя посылка по идее должна уже прийти. Обычно я звоню брату с работы. Мы редко общаемся. И я, конечно, испытываю чувство вины, что отдалилась от него. Макс, наверное, думает, что обижаюсь, но это не так. Я прекрасно понимаю, что ему пришлось пережить, – бросить всё и улететь жить в другую страну. У него выбора другого не оставалось. Трое детей – большая ответственность. К чему загружать его ещё и своими проблемами?

Пока завтракаем с Тимом, попутно набираю Илье. Его третий день нет в городе, и я жду не дождусь, когда он уже сдаст объект и вернётся.

– Привет! Встал? – На том конце трубки слышится глухой стон, и я улыбаюсь. – Вставай. Ты сам просил разбудить тебя. В эсэмэс. В три ночи. Опять с комиссией зависал в каком-нибудь кабаке?

Илья снова стонет.

– И как вчера посидели? К стриптизёршам их водил? Надеюсь, в номере сейчас один? Не отвлекаю?

– Тебе смешно, да? Но ты бы видела, сколько эти буйволы заливают в себя алкоголя – будто воду пьют. Похожи на слонов на водопое. Теперь понимаю, почему их каждый раз к нам отправляют. У себя замучились поить и нести убытки.

Мне действительно очень смешно.

– Илюш, мы приехать не сможем. Но я с радостью провела бы время с Тимом за городом.

– Ну так в чём проблема? Я тут до конца недели проторчу. Янка не подстрахует?

– К Градскому люди прилетели. А ещё... Это не точно, но, кажется, у меня командировка намечается.

– Как? Опять? – убито выдыхает Илья. – В прошлом же месяце летала в Казань. Вот дёрнул меня чёрт тогда предложить тебе перейти к Градскому. Сейчас бы сидела у меня под крылом и как сыр в масле каталась. А он теперь прочухал, что ты на все руки от скуки, хрен ведь отдаст. Сколько он тебе сейчас платит?

– Много. Ты столько не платил. К тому же мы с Яной делом общим занимаемся. Всё нормально, правда. Это же просто работа.

– А что за люди прилетели? Иностранцы? Сколько человек?

– Американцы и русские, – уклончиво отвечаю я.

Не люблю врать, но и сказать Илье, что Асадов в числе прилетевших, язык не поворачивается.

– Ладно, – говорит Илья. – Ты сегодня опять с ними? Никто там руки не распускает?

– Нет. – Я почти не обманываю.

После того как Динар вступился за меня и отправил Джона с водителем в отель, американец ведёт себя исключительно. Даже не смотрит в мою сторону.

- Ну тогда до вечера. Я наберу после восьми. В горах связь плохая.

- Ага. Ты пошёл досыпать? - Не могу упустить возможность поиздеваться над Ильёй, когда он снова стонет в трубку.

- Это было бы идеальное продолжение дня, но увы. Вечером опять, похоже, буду печень тренировать.

Мы прощаемся с Ильёй, я отвожу Тима в гостиную, а сама иду собираться на работу. Когда приходит Сима, на всякий случай уточняю, сможет ли она приглядеть за Тимом. Я не удивлюсь, если придётся улететь. Люблю, чтобы у меня всё было под контролем в вопросах, которые касаются сына.

Руководители редко входят в положение своих подчинённых, а форс-мажоры никто не отменял.

Градский появляется в офисе ближе к концу рабочего дня. Американцы второй день работают в соседнем кабинете, обложившись документами, и проблем мне практически не доставляют. А вот Виолетта все уши прожужжала про Асадова, и хочется прихлопнуть её какой-нибудь тяжёлой папкой, чтобы не досаждала.

В семь спускаюсь на парковку и забираюсь в машину. Выдыхаю от облегчения, что ещё один день подошёл к концу, но мою идиллию нарушает звонок. Это Виктор Валентинович.

- Наташа, ты ещё не уехала?

- Нет. - Глушу двигатель и закусываю губу.

- Совсем закружился. Зайди ко мне на пять минут.

Хорошо, что не уехала домой, а то бы пришлось возвращаться. Стараюсь не думать о том, что меня ждёт что-то плохое, но, когда переступаю порог кабинета генерального и замечаю за столом для переговоров Измайлова и Асадова, сердце проваливается в пятки. Быстро киваю им в знак приветствия и сосредотачиваю внимание на Градском.

– Это новый контракт, – указывает он глазами на папку, лежащую на краю. – Переведи его к утру для американцев. Через несколько дней у нас командировка в Москву. Детали уточни у Виолетты.

Перевожу взгляд на Динара, а затем и на Измайлова. У обоих каменные лица, холодные глаза. Непонятно, о чём думают. Бизнесмены, одним словом.

– Хорошо, Виктор Валентинович. Это всё?

Даже не открывая папку, знаю, что там увижу. Хоть бы я ошибалась.

– Да. – Он берёт в руки телефон, а я иду на выход. – Хотя нет, погоди, Наташ. Ты не знаешь, где Илья? Весь день не могу до него дозвониться. Ни на рабочий, ни на личный телефон он не отвечает.

– Он сдаёт объект за городом. Там плохая связь. Попробуйте вечером, он вернётся в отель после восьми.

– Ага, – задумчиво говорит Градский. – Тогда всё.

Вечером, уложив Тима спать, я берусь за документы. Открываю папку, листаю бумаги и впадаю в ступор. Мои догадки подтвердились. Впереди меня ждут напряжённые дни, потому что в новом контракте вместо «Ротагет инвест» стоит название другой компании. Той, что принадлежит Динару.

4 глава

Наташа

Бессонная ночь, три чашки кофе и бешеный пульс наутро – цена моей будущей премии и лояльного отношения Градского ко мне как к сотруднику. Даже не верится, что успела перевести такой объём текста за несколько часов. Всё же иногда Виктор Валентинович ставит трудновыполнимые задачи. Но и оплату за это я получаю достойную. Грех жаловаться.

Заливаю в себя четвертую чашку кофе, чищу зубы и собираюсь на работу. Глаза красные и уставшие. Хоть за линзами в аптеку заезжай. Сима, как назло, ещё опаздывает. Нужно будет у Виолетты уточнить, когда американцы улетят, и тогда я смогу выдохнуть. Взять бы на сегодня выходной, но пока об этом только мечтать.

Ставлю напоминание в телефоне, чтобы не забыть свозить Тима к педиатру, не то изведу Симу звонками в командировке. Хочу быть уверена, что с маленьким человечком всё хорошо. Об Асадове я стараюсь не думать, но мысли так и крутятся возле него и нашей последней встречи. По-хорошему, мне следует сказать Динару, что у него есть сын. Но если бы он интересовался моей жизнью, то сложить один к одному не составило бы никакого труда. Следовательно, я глубоко ему безразлична, а новость об отцовстве не приведёт его в восторг. Так зачем усложнять жизнь себе и другим людям? Я вроде и одна неплохо справляюсь с воспитанием сына.

Заезжаю в агентство, чтобы забрать кое-какие документы и посидеть над ними вечером, если будет свободная минутка. Когда я появляюсь в кабинете, Яна работает за компьютером и поднимает на меня оценивающий взгляд.

– Опять не спала? – спрашивает и недовольно качает головой.

– Час от силы. Про командировку ты оказалась права.

Сейчас я очень устала, чтобы бояться предстоящей поездки. Пока мы не пересекаемая с Динаром, я относительно спокойна.

– Ну ещё бы я была не права. Витя так радовался, что с контрактом всё получилось.

Забираю бумаги и обещаю Яне быть на телефоне. Надеюсь, американцы скоро улетят, и всё вернётся на круги своя.

В офисе, на основном месте работы, я появляюсь с небольшим опозданием. Градский уже ждёт меня у себя в кабинете. К счастью, один. Передаю ему пакет документов, чувствуя облегчение, и выхожу в приёмную, расплываясь в довольной улыбке. Ощущение такое, будто вагоны разгрузила и вся сложная

работа теперь позади. Обожаю это чувство.

- Наташ, - окликает меня Виолетта. - Ну как? В настроении?

- Вроде нормальный, - пожимаю я плечами.

- Ну хорошо, а то утром орал на меня, как потерпевший. Не люблю, когда он нервничает.

- Ответственность на нём большая, потому и нервы сдают. Не обращай внимания. Делай свою работу, и всё.

Виолетта недовольно кривит нос.

- Кстати, спасибо. Удружила. Я же просила тебя не строить глазки чёрненькому, забыла? - обиженно спрашивает она.

Никому я ничего не строила! Просто в прошлом мы с «чёрненьким» занимались потрясающим сексом, и теперь дома меня ждёт сын от этого мужчины. Жаль, что я не могу так ответить.

Но если Виолетта не добьётся внимания от Асадова, то может подождать, когда подрастёт Тимур. Сын унаследовал внешность отца. Честность и порядочность, не сомневаюсь, достанутся ему от матери. Лишь бы не моя взбалмошность. Для мальчика излишняя эмоциональность чревата постоянными конфликтами с окружающими. Пусть будет спокоен и выдержан - в отца.

- Это всё? Или ещё есть претензии? - уточняю я.

- Нет, не всё. Он спрашивал про тебя.

А вот это уже интересно. Надеюсь, Виолетта не ляпнула Динару, что я мать-одиночка? Хотя от неё всё что угодно можно ожидать.

- И? Уверена, ты не растерялась.

– Не растерялась, – довольно улыбается она. – Сказала, что ты в отношениях и замуж скоро выходишь. Про ребёнка умолчала. Помню, что ты не любишь афишировать его наличие после того случая с немцем.

Я тогда только перешла к Градскому. К нему прилетели люди из Германии, и один из мужчин начал за мной ухаживать, пригласил на свидание. Я отказалась, сказав, что у меня есть сын и я должна уделять ему время и внимание. Так этот Дон Жуан проследил за мной, узнал, где живу, и все две недели подкарауливал после работы, навязывая нам с Тимом своё общение. Я тогда очень испугалась этой маниакальной настойчивости. Мало ли что на уме у заезжего молодца?

– Могла бы даже преувеличить и сказать, что уже вышла. Я бы не обиделась.

– А если серьёзно? Сделал тебе предложение? Он ведь давно за тобой ухаживает... – интересуется Виолетта и щурит хитрые глаза.

– Кто? Асадов?

– Наташа! – слышится возмущение.

– О личном я не люблю разговаривать. Иначе потом слухов не оберёшься. Градский просил уточнить у тебя детали будущей командировки. Ты тоже летишь? – решаю перевести тему в рабочее русло.

– Конечно лечу, – хмыкает Виолетта. – Две недели с черноглазеньким провести... – мечтательно говорит она. – Кто откажется? Уж в Москве я его точно охмурю.

Мне с трудом удаётся сохранить невозмутимое лицо. Две недели в Москве? С Асадовым? Может быть, пойти сломать себе палец? Хотя нет, палец не остановит Градского. Всё равно заставит лететь. Отрезать себе язык? Но как я тогда деньги буду зарабатывать?

– Скинь мне всё на почту, я сейчас посмотрю.

– Уже скинула. Билеты после обеда буду бронировать. Я так счастлива. Две недели...

Мне снова хочется её прибить какой-нибудь тяжёлой папкой. Всё же она хуже назойливой мухи.

С Яной мы легко и быстро пошли на контакт. Абсолютно беззлобный и честный человек. В случае же с Виолеттой никогда не знаешь, что у неё на уме и чего ждать. Будь я доверчивой и влюблённой Наташей, уже осадил бы помощницу Градского за подкаты к Асадову, а сейчас этим пусть занимается его жена. Хотя... он же помог мне избавиться от внимания надоедливого американца? Почему бы и мне не оказать ему встречную услугу?

– Не хочу тебя огорчать, но, кажется, он женат. Ты бы лучше внимание на его друга обратила. Хотя и он, возможно, тоже женат. Сейчас только паспорта поверять при знакомстве, чтобы быть уверенной в том, что понравившийся мужчина свободен.

– Ты специально это говоришь, да? Скажи, что специально, – требует Виолетта.

Я отрицательно качаю головой.

– Же-нат.

– Ну да... Такой красивый и без жены? Что-то из разряда фантастики. Блин... А что же ты раньше молчала?

– Случайно услышала их разговор с Измайловым – обманываю я. – Ладно. Я пошла. Как бронь подтвердят, сообщу.

Виолетта растерянно кивает, а я почему-то испытываю удовлетворение, глядя, как она сникла. Нет, это не собственнический инстинкт. Может быть, ревность? Динару ведь ничто не мешает закрутить интрижку с помощницей Градского? Со мной же он спал, будучи в браке с Катиной. Одной больше, одной меньше. Какая разница, правда? Но теперь пусть попытается добиться её расположения. Виолетта хоть и вертихвостка, но с женатыми мужчинами не спит. Слишком сильно хочет замуж. Ждать развода и ходить в любовницах годами – это

не про неё.

Ночь без сна даёт о себе знать в самый неподходящий момент: я едва не попадаю в аварию, когда еду домой за Тимом. К педиатру везу его на такси, а свою машину решаю сегодня больше не брать. После визита в клинику я набираюсь наглости и отпрашиваюсь у Градского, сказав, что после бессонной ночи едва не угодила в ДТП. Ставлю телефон на беззвучный режим и ложусь спать. Сима с Тимуром уходят гулять на улицу. Когда просыпаюсь, слышу их голоса из гостиной. Тянусь к телефону и вижу три пропущенных от брата и столько же от Виолетты. Пospала, блин.

Я отправляю сообщение брату, что перезвоню завтра. Вру, что отдыхаю за городом и плохая связь, и тут же набираю помощницу Градского.

- Spала, да? - что-то жуя, спрашивает Виолетта.

- После бессонной ночи с контрактом. Что случилось?

- Похоже, что ещё одна впереди.

- В каком смысле?

- Да ладно. Шучу. Вроде ничего серьёзного. Американцы ещё два пункта добавили, Градский просил, чтобы ты доработала контракт. Они, кстати, улетают завтра в первой половине дня. Так что к утру нужно доделать. Я оставила папку у охранника.

- Поняла. Сейчас съезжу. Напиши Градскому, что я вышла на связь и забрала всё в работу.

- Окей, - отзывается Виолетта и кладёт трубку.

Прошу Симу ещё ненадолго задержаться и уложить Тима спать. Беру ключи от машины и спускаюсь вниз. Как же я мечтаю о выходных. Сначала буду отсыпаться сутки, а потом обойдём с сыном все наши любимые места в городе, заглянем в какую-нибудь кафешку и съедим по огромной порции мороженого. Я ненадолго прерываюсь в своих мечтах, чтобы забрать папку у охранника. Желаю

Степану Аркадьевичу спокойной ночи и уже собираюсь уходить, как вдруг замечаю Динара и Измайлова в компании двух американцев. Они вчетвером направляются на выход, о чём-то громко разговаривая. Быстро разворачиваюсь и иду к двери, не желая с ними встречаться.

– Пстой, Наташа, – летит мне в спину, и я замираю на месте, чувствуя, как всё обрывается внутри. Когда же закончится эта пытка?

Не знаю, зачем Асадов остановил меня, но я не готова с ним сейчас общаться. К тому же я помятая и заспанная после недолгого сна, выгляжу сильно уставшей. Закон подлости, не иначе.

5 глава

Наташа

Измайлов и американцы идут к машине, а Динар направляется ко мне. Приходится взять себя в руки, чтобы не показать взвинченную реакцию на такую простую просьбу. Асадов всего лишь компаньон Градского. Мне часто приходится улыбаться людям. Бывает, что я этого не хочу, но сохранять вежливый тон и доброжелательное выражение лица – часть моей работы.

– Хорошо, что мы пересеклись до отлёта. Наша встреча – случайность. Я действительно не знал, что ты работаешь у Градского, – быстро говорит Динар, заметив, что я нервничаю и хочу сбежать.

Он всегда подмечает детали.

– А если бы знал, то что?

– Отправил бы вместо себя своего человека.

– Карину? – это имя вырывается у меня само собой.

Какое-то время после моего отъезда Романова пыталась до меня дозвониться, а потом всё резко сошло на нет. Даже интересно почему, но спрашивать про неё у Динара я не хочу. К тому же нет гарантии, что получу правдивые ответы на интересующие меня вопросы. Асадов не только детали умеет подмечать, он и ходы свои просчитывает на несколько шагов вперёд.

- Нет, не Карину. Она больше не работает на меня.

Я знаю это выражение лица: Динар в замешательстве, но почти сразу же берёт в себя в руки и смотрит на меня холодным взглядом.

- В Москве я пробуду недолго, мы практически не будем пересекаться, - продолжает он, пока я пытаюсь подавить в себе мучительное волнение. - По бумагам везде будет фигурировать моя компания, но на деле вы будете работать с людьми Измайлова.

- Думаешь, мне действительно есть разница, будем мы с тобой пересекаться или нет?

Неужели он думал, что я покажу свои истинные чувства? Дам понять, что до сих пор прихожу в трепет от одного лишь его взгляда? Нет, я научилась себя контролировать и скрывать от посторонних людей эмоции. Да, в глубине души мне хочется наплевать на этот контроль и спросить, где он сейчас живёт. С ней? В Австрии? В Питере? Я ведь запрещала себе что-либо о нём узнавать. Да и откуда мне было черпать эту информацию? Три года я отчаянно хваталась за воспоминания о человеке, которого любила, понимая, что больше не смогу впустить его в свою жизнь.

Асадов щурится, рассматривая меня. Так много, в нём сейчас от прежнего Динара... Но не стоит забывать, что это иллюзия. Передо мной мужчина, разбивший мне сердце, растоптавший мои чувства. Такое, увы, тоже не забывается.

- Совсем не отдыхаешь, да? Градский загонял? - спрашивает с подкупающей искренностью.

Хочу сказать, что мало отдыхаю, потому что одна воспитываю нашего общего сына, но молчу. Сына... Только сейчас осознаю, что вот он - момент сказать ему

о Тимуре. Но я не смогу. Мысль, что Динар снова будет в моей жизни, отзывается болью в груди. Я и простила его, и в то же время нет. К тому же я теперь не знаю человека, который сейчас стоит передо мной. Вдруг новый Динар захочет отнять у меня ребёнка и воспитывать его вместе со своей законной женой? Этого я никогда не допущу.

– Мой начальник ещё тот фанат труда и того же требует от подчинённых, – сухо сообщаю я.

– В таком случае точно сработаемся. У нас с Измайловым похожие взгляды на ведение бизнеса.

Я заправляю волосы за ухо, чувствуя, что выдержки осталось совсем чуть-чуть.

– А по поводу наших встреч... – спокойно продолжаю я. – Мне плевать, сколько раз мы пересечёмся. Мои чувства к тебе давно в прошлом. Ты был прав: я сделала правильный выбор. Изначально не следовало поддаваться глупым желаниям и бросать Илью. Он замечательный мужчина. Уверена, что и мужем будет отличным. – Понимаю, что хожу по краю и если сейчас оступлюсь, то меня прорвёт, но не могу удержаться от ещё одной фразы, которую произношу с особым удовольствием: – Всё познаётся в сравнении.

Как, оказывается, легко врать. И ещё легче заставить поверить в ложь другого человека. Вижу по глазам Асадова, что он удовлетворён моим ответом. И верит мне. Глупец. Я дала Илье шанс, но я не схожу с ума от его поцелуев, как это было с Динаром. По щелчку пальцев такие чувства, увы, не проходят. Тысячам женщин разбивают сердца, многие воспитывают детей одни. Не я первая, и не я последняя. У кого-то и вовсе мужья умирают, но эти женщины в итоге вновь создают счастливые семьи, рожают детей. Чем я хуже? Асадов вычеркнул меня из своей жизни, продолжает вести бизнес, приумножил капиталы за эти годы. В этом заключается его счастье? А моё – в том, чтобы чувствовать себя любимой, а не использованной. Наверное, это к лучшему, что наши пути разошлись и мы сейчас снова встретились. Мне давно пора поставить финальную точку в своих чувствах к этому человеку и идти дальше. Безо всякого сожаления.

– Рад за тебя, Наташа. Несколько дней я ещё здесь, потом завершим все формальности в Москве, и больше я в твоей жизни не появлюсь. Призраки прошлого должны оставаться в прошлом.

Я вздрагиваю. Внутри что-то щёлкает и бьёт, будто оборванная струна, больно впиваясь в кожу. Инстинктивно хочется вскинуть руку вверх и залепить ему пощёчину. Такой силы, чтобы у него искры из глаз посыпались. Но я сдерживаю себя. Случай в клубе, когда Лазарев опоил меня какой-то дрянью, преподнёс урок на всю жизнь: я больше ни на кого не подниму руку. Но вот словами почему бы и не ударить?

- Мне безразлично твоё присутствие. Впрочем, как и отсутствие. Ты действительно давно в прошлом, Динар. Мог бы не терять сейчас своё время, - холодно бросаю я, делаю шаг к машине, но запинаюсь и подворачиваю ногу.

Папка оказывается на асфальте, а я - в руках Динара. Физический контакт с ним причиняет забытую боль.

- Аккуратнее, Наташа, - говорит он грубо.

Асадов держит меня за талию, а чёрные глаза пристально изучают лицо. Его голос и прикосновения отзываются в теле жаркой волной воспоминаний. Три года прошло... Господи, ну почему ураган чувств к этому человеку никак не затихнет? Может быть, Динар проклял меня? Почему ни к кому не влечёт с такой силой, как к нему? После рождения Тима я несколько раз соглашалась сходить на свидания, а в итоге ловила себя на том, что было скучно общаться с незнакомыми мужчинами и я весь вечер избегала смотреть им в глаза.

Дёргаюсь в его руках и отступаю назад, чувствуя резь в щиколотке. Но я так сильно нервничаю, что почти не обращаю внимания на дискомфорт.

- Тебя подбросить до дома? - спрашивает Динар.

Я поднимаю папку, делаю ещё шаг и морщусь от боли.

- Нет, - отвечаю на автомате и тут же вскрикиваю, когда он берёт меня за локоть, собираясь помочь дойти до машины.

Вспоминаю, что на заднем сиденье стоит детское кресло и резко останавливаюсь.

– Со мной всё в порядке. Убери руки. Я в состоянии идти сама.

Динар хмурится, но делает, как я прошу. Теперь в нашем общении будут выстроены чёткие границы и не будет никаких прикосновений. Я не самоубийца – искать с ним встреч или позволять снова быть в моей жизни. Пусть заканчивает дела и улетает, но только не приближается к нам с сыном.

– Наташа! – снова окликает меня Асадов, когда я уже подхожу к машине.

Этот вечер сегодня закончится?

– Бумаги выпали. – Он протягивает мне несколько листков.

Сомневаюсь, что Динар заметит на заднем сиденье детское кресло и игрушки, – на улице уже темно. Но не хочу давать ему даже шанса это увидеть.

– Спасибо, – быстро бросаю я и выхватываю документы.

Открываю дверь, вставляю дрожащими пальцами ключ в замок зажигания и, не медля ни секунды, уезжаю, словно беглый преступник.

6 глава

Наташа

Выхожу из офиса и направляюсь к машине, вспоминая, что так и не перезвонила Максу. Он звонил вчера днём два раза, а я обещала набрать его вечером. Хорошая сестра – ничего не скажешь. Но с этим контрактом всё выскочило из головы. Наконец-то все улетели, и у меня впереди два дня передышки перед командировкой в Москву и новой встречей с Асадовым. Можно чуть-чуть выдохнуть. Сейчас перекинусь с братом дежурными фразами и поеду домой. Отды-хать. Заслужила.

- Наташ, привет, ты где? – спрашивает Макс подозрительно бодрым и весёлым голосом, когда я его набираю.

- На работе. А ты? – Включаю поворотник и выезжаю с парковки.

- Я где? – смеётся он. – Ну если меня навигатор не обманывает, то в двух километрах от твоей квартиры. Пока до Москвы долетел, потом сюда... Спасибо, что не в Сибирь перебралась. Больше суток в дороге, Наташ. Да, виды здесь хорошие и климат мягкий, но...

- Что? – выкрикиваю я, перебивая его, и резко бью по тормозам.

Они с Асадовым решили меня добить? Господи, да за что мне всё это?

- Эй, сис. Ты мне не рада, что ли? Три года почти не виделись. Вырвался чудом, такую многоходовку замутил, чтобы увидеть тебя... Наташ, даже не думай соскочить, – строго говорит Макс. – Никаких отговорок, что ты за городом, у тебя много дел на работе и прочее. Буду сидеть и ждать под дверью. Соскучился невозможно.

- Макс, ты не шутишь? – дрожащим голосом спрашиваю я.

- Нет. Ты на связь через раз выходишь, отдалилась. Что мне оставалось делать? Чуть посвободнее стало дышать – начал думать, как к тебе вырваться. Да, рискую, но очень переживаю за тебя. Хочу убедиться, что с тобой действительно всё хорошо, как ты мне это и преподносишь. Имею на то право.

Мне почему-то хочется расплакаться от отчаяния.

- погоди, так ты, может быть, не одна живёшь? С парнем, да? Угадал? Ну вот заодно и познакомлюсь. Я не стеснительный.

Ага, с парнем. Маленьким и черноглазым. И, увидев его, ты сильно удивишься. И сразу всё поймёшь. Не дурак ведь. С мозгами всегда был полный порядок, в отличие от твоей сумасбродной сестры, которая вляпалась в отношения со взрослым мужчиной, а потом ещё и забеременела от него.

– Через десять минут подъеду. Жди, – говорю я и сбрасываю звонок.

В принципе, я и не собиралась скрывать сына ни от Асадова, ни от Макса. Просто так сложилось. И я ни о чём не жалею. Как там говорил Динар? Меньше знаешь – крепче спишь? Вот, надеюсь, у них с Максом был крепкий здоровый сон всё это время, пока с моим были серьёзные перебои. Хотя с Максом спорно: у него полон дом ребятни и Егор почти одного возраста с Тимом... Чёрт, у меня, помимо успокоительного, и нет ничего. Алкоголь я не пью, а брат, наверное, захочет выпить после таких новостей.

Неужели в жизни так бывает? Ещё недавно было относительно тихо и спокойно. А теперь разом всё навалилось. И чувствую, что это не конец.

Макса замечаю сразу – он стоит у подъезда и курит. Ох уж эта противоречивая женская натура. Я хочу броситься ему на шею и заплакать, но в то же время сохранять холодный рассудок и держаться в стороне. Смотрю на него с минуту, и чувство такое, будто мы не виделись не три года, а три недели. С Асадовым несколько дней назад схожие ощущения были. И ведь они почти одновременно появились. Это совпадение? Они заранее о встрече договорились, и Макс знает о планах Динара? Нет, вряд ли. Асадов сегодня улетел, а Макс у меня давно ныла в телефон, что соскучилась и хочу увидеться. Только и подумать не могла, что он всерьёз решит прилететь. Он сильно рискует после всего, что произошло три года назад.

– Привет. – Крепко обнимаю его, и воспоминания обрушиваются на меня удушающей волной.

В носу начинает щипать, и я быстро моргаю, чтобы не заплакать.

Три года назад я так радовалась его освобождению, мечтала, что теперь всегда будем вместе, а в итоге ничего не сбылось. Не считая Тима. Хотя о нём я и не мечтала. Всё само собой получилось. Мне тогда противозачаточные таблетки не подошли, я бросила их, не допив несколько штук, и записалась на приём к гинекологу, чтобы она для меня новый препарат подобрала, а этих двух дней пропуска в итоге хватило, чтобы забеременеть от Динара. После незащищённого секса в машине и выпитой таблетки экстренной контрацепции у меня случился сбой в цикле. Вот я и просчиталась. Думала, что дни были безопасными.

– Ты изменилась, Наташка... Такая женственная стала. Ещё красивее, чем была, – нахваливает меня Макс, поглаживая по спине.

Мамой я стала. Только и всего. Но молчу. Сам увидит.

– Надолго прилетел?

– Нет. Завтра обратно. Мне сейчас светиться нежелательно. Но всё удачно совпало.

Мы поднимаемся на восьмой этаж, я открываю дверь ключом. Макс, не успев войти, сразу замечает детскую прогулочную коляску у входа. У него в Мюнхене, наверное, полно этого добра?

Я украдкой наблюдаю за ним и разуваюсь. Брат замер в прихожей и переводит взгляд с коляски на детскую обувь. По глазам вижу, что он ошеломлён, а его мозг работает с удвоенной силой. Ещё чуть-чуть, и пар из ушей повалит.

– Ну, проходи, что застыл? Только руки с дороги помой, прежде чем к ребёнку подойдёшь. Но это ты, надеюсь, и так выучил. У тебя своих трое.

– Наташ... – сипло выдыхает Макс, придя в себя, и смотрит на меня непонимающе.

Но я уже иду в гостиную. Он появляется в ней, когда я прощаюсь с Симой и отпускаю её до завтра. Максим глаз не спускает с Тима. Рассматривает так жадно, будто это его сын.

– У меня слов нет... Я не могу отойти от шока. Ты меня убила, Наташа. Сколько ему? – спрашивает брат и протягивает руки к Тимуру. – А если бы я случайно в гости к тебе не приехал, и дальше молчала бы, что сына родила?

Чувствую, как выдержка летит к чертям, по щекам текут слёзы. Вовсе я не сильная, но понимаю это только сейчас. Перед Максом стоит сломанная Наташа, у которой огромная дыра в груди вместо сердца.

– Погоди, получается, и Асадов о нём тоже не в курсе?

Я отрицательно качаю головой.

– Охренеть, – выдыхает брат и гладит Тима по пухлой щёчке. – Он сейчас у вас в городе. Ты знаешь?

– Знаю. Мы виделись. Буквально на днях. Он уже улетел. Динар будет вести бизнес с Градским.

– Охренеть, Наташа, – повторяет брат убитым голосом. – Нет, я тогда догадался, что между вами отношения, но что ты ещё и ребёнка от него родила? У меня слов нет... Есть что выпить?

А я, глупая, думала, что он ничего не знает... Тайну великую хранила... Но я тогда была так влюблена, вся в чувствах и эйфории. Дальше собственного носа ничего не видела.

Сын с интересом рассматривает Макса, но к нему не идёт. Сжимается в моих руках и крепко обнимает за шею. Не любит незнакомых людей. Даже к Илье, если они долго не видятся, потом не идёт на руки. Избирательный на контакты мальчик. Весь в отца.

– Нет, у меня в голове не укладывается. Ты столько времени молчала о сыне? Динар тогда сказал, что вы обо всём поговорили, ты к парню улетела. Заверил, что всё у тебя будет хорошо. Ну я и обрадовался. Мы с ним к этой теме больше не возвращались. Обрадовался, потому что... ну, Наташ, он же вдвое старше тебя! А с его характером и повадками вести бизнес – всегда куча проблем, в сердце у него пустота из-за смерти Лады. Какой же я дурак, что сразу не вмешался, когда заподозрил между вами связь. Нужно было мозги ему на место поставить, выбить их, если на то пошло, чтобы даже смотреть в твою сторону не смел!

– Не ему нужно было вправлять мозги... Макс, у меня сейчас действительно всё хорошо. Если бы ты вмешался, то у меня не было бы Тима, а я его безумно люблю. Да и не послушала бы я тебя тогда. Очень сильно была влюблена. Мне не хочется это всё ворошить, правда. Динар сделал мне очень больно. Если вы общаетесь или будете встречаться, ничего ему не говори о Тимуре, ладно? Мне страшно пережить эту боль снова. К тому же я согласилась дать Илье шанс. Я

тебе рассказывала о нём, помнишь? – Брат быстро кивает. – Думаю, что предложение руки и сердца не за горами. По крайней мере, всё к тому идёт.

Макс тяжело вздыхает.

– Я-то не скажу ему ничего, но если Асадов увидит мальчика, то без слов всё поймёт. И тогда, Наташка, что будешь делать? Думаешь, он останется в стороне – наблюдать, как его сына воспитывает чужой мужик? А чёрта с два. Уж я его знаю, как облупленного.

7 глава

Наташа

– Что я буду делать, когда он узнает о сыне? – грустно усмехаюсь, прижимая к себе Тима. – Познакомлю сына с отцом и дальше буду жить своей жизнью. Плевать, что он позволит, а чего нет. Если вопрос встанет ребром, я готова идти до конца.

Сомневаюсь, что Асадов будет настаивать на том, чтобы я отдала ему сына. У него ведь сердца нет, а ребёнку нужны ласка и любовь.

– Ты пыталась ему сообщить? – спрашивает Макс.

– Да. Дважды. Первый раз – перед родами, но его телефон был недоступен. Помощница тоже как сквозь землю провалилась. А второй раз я позвонила ему в офис после родов. Секретарша Асадова сообщила, что его нет в городе, и когда будет, неизвестно, личные данные приказано никому не сообщать. Собственно, на этом всё.

– Да, – задумчиво произносит брат. – Он сменил номера и не выходил на связь, после того как мы улетели с Надей и детьми в Мюнхен. Я пытался выяснить новый номер через юриста, но его люди – могила. Беляев ответил мне, что Асадов за границей, и нет информации, когда вернётся. Динар потом сам вышел

на связь. Последний раз мы созванивались примерно две недели назад. Он рассказывал, что бизнес новый мутит на юге с Измайловым. Голос бодрый, весёлый. Про тебя не спросил. Да и не спрашивал никогда...

Я громко всхлипываю. Сильно ноет в груди. В районе сердца. «Не спрашивал никогда. Улетел за границу и сменил номера». Чтобы я его не искала?

– Наташа, прекрати плакать, прошу. Ты меня без ножа режешь.

Макс обнимает нас с Тимом, гладит меня по спине, а мне лишь сильнее хочется расплакаться. Дура. Какая же я дура. Зачем полюбила этого человека?

– Мне-то могла сказать о сыне? Я же весь извёлся от твоего молчания. Думал, что ты обижаешься, потому что мне пришлось улететь. Но я не бросал тебя – у меня выхода другого не было. Господи, Наташка, ты действительно вся в мать. Та всегда в себе всё держала. О болезни своей молчала до последнего. Ты, наверное, и не помнишь её, да? Маленькая совсем была. У отца юбилей был, когда она в обморок упала и правда вскрылась.

– Почти ничего не помню, Макс, – говорю как можно спокойнее, но внутри я кровоточу. – На некоторые моменты будто блок стоит. И день похорон не помню. Хотя не такая уж я маленькая была. Почти десять. Воспоминания иногда появляются в подсознании как вспышки. Помню, как вы с Динаром на кухне сидели и о чём-то разговаривали, пока отец не отходил от гроба и выл, как зверь. А её лицо почти не помню, и все фотографии остались в Гатчине... Так тяжело бывает на душе, когда задумываюсь о том, что кроме тебя и сына, у меня никого нет. Будь она жива, возможно, всё бы сложилось иначе?

– Конечно, всё бы сложилось иначе. – Макс сжимает нас с Тимом сильнее, а я криво улыбаюсь. – Асадов мне не всё рассказал, как я понимаю?

– Не всё.

Я как на духу рассказываю Максиму о браке Асадова с Катиной и о том вечере, когда ушла от него. Даже о своих тяжёлых родах почему-то вспоминаю и снова реву. Беременность протекала хорошо, ничего не предвещало, что я окажусь на операционном столе и мне проведут экстренное кесарево сечение. На тридцать шестой неделе вдруг стало плохо с сердцем. Резко упало давление,

и открылось кровотечение. Я родила сына на месяц раньше срока и до сих пор не перестаю благодарить бога, что всё обошлось. Тим сам начал дышать, и этот маленький сильный человечек вдохнул в меня жизнь и наполнил её смыслом.

Вытираю слёзы со щёк и беру с Макса слово, что он ничего не скажет Динару о Тимуре. Как Асадов о нём узнает – не моя забота. Я пыталась ему сообщить.

Укладываю Тима спать, и мы с Максом ещё долго сидим на кухне, но об Асадове больше не разговариваем. Я обещаю Максиму, что прилечу с сыном в Германию, как немного разгребусь с делами.

Утром звоню Виолетте и сообщаю, что задержусь. Прошу, чтобы прикрыла, если Градский будет искать, и провожаю Макса в аэропорт. Я считала, что наша связь с братом стала слабее за три года моего молчания, но теперь понимаю, что это не так. Я всё так же сильно его люблю и до сих пор переживаю за него, как за себя. Мы с ним много всего пережили. Если маму с папой я смутно помню, то Макса и как он всё бросил, прилетев из Москвы, когда отец ушёл в депрессию и запой после смерти мамы, – отчётливо. И помню свою боль и слёзы, когда брата посадили в тюрьму. Я думала, у меня сердце разорвётся на части, что такой молодой и красивый парень проведёт годы за решёткой.

Макс обнимает меня. Он грустит. Знаю, что скучает по России и мечтает вернуться. Много раз это слышала от него и сейчас вижу тоску в голубых глазах. Но на его месте я бы не возвращалась. Дети и Надя в безопасности. А в России им бы не дали спокойно жить. Все считают, что Макс погиб. И пусть будет так.

– Ты позвони, как долетишь. У тебя же из Москвы самолёт? Больше никуда не полетишь?

– В Москве встречусь по работе с одним человеком и сразу в Мюнхен. Вечером буду на месте. – Макс целует меня в висок и снова крепко обнимает. – Не полечу я к Асадову, успокойся. Блядь, его счастье, что мне светиться нигде нельзя, а то бы я всю душу из него вытряхнул. Меня до сих пор трясёт, как он всё гладко обыграл с тобой и меня вокруг пальца обвёл. Козёл!

Этого я и боялась. Макс и Динар дружили, многое вместе пережили, и я не хочу, чтобы они ссорились.

- Не нужно. Прошу... Ты ведь обещал.

- Я же сказал, что не могу сейчас нигде светиться и полететь к нему. Но когда-нибудь мы встретимся, и тогда я точно ему что-нибудь сломаю. И он поймёт за что. А ты трубку бери, Наташа. В любое время дня и ночи. Я ведь переживаю. А теперь ещё больше буду.

Хочу сказать, что после драки кулаками не машут, но молчу и ловлю себя на мысли, что нужно было залепить Динару пощёчину в прошлый раз, когда он окликнул меня на парковке. Зря сдержалась.

Самолёт взмывает в небо, а я еду в офис. Градский сегодня не в настроении и всех строит. Закидывает меня работой, а я так хотела побыть с Тимом перед отлётом в Москву. Приезжаю вечером домой и собираюсь отпустить Симу, но звонит Надя, и я прошу няню ненадолго задержаться.

- Наташа, привет, - произносит Надя встревоженным голосом. - Макс должен был вернуться, но его до сих пор нет. Я совершенно не знаю, кому звонить и что делать. У меня сердце не на месте. Скажи, что он сильно соскучился по тебе, поменял билеты и задержался.

- Нет... - растерянно отвечаю я. - У меня его нет. - Чувствую, как внутри всё сковывает тревогой и льдом.

Неужели обманул и полетел к Динару? Но ведь он обещал, что не будет этого делать!

- Наташа, у тебя есть номер Асадова? - будто читая мои мысли, спрашивает Надя. - Может быть, ты его наберёшь? Не знаю, у кого ещё он мог бы задержаться в России. Я лишь изредка общаюсь с Полиной и Валентиной Петровной. Я очень переживаю. А если с ним что-то случилось? - всхлипывает она. - Мне даже думать об этом страшно.

- Надя, успокойся. Контактных Асадова у меня нет, - задумчиво произношу я. - Но могу их узнать.

– Пожалуйста, Наташа. Позвони ему. Я действительно не знаю, что делать и кому ещё звонить. С ума схожу от волнения и всерьёз думаю лететь следом.

– Так. Давай без лишних телодвижений. У тебя дома трое детей. Лететь она собралась. Всё, что смогу, я сейчас узнаю. Жди.

Завершаю вызов и долго смотрю перед собой невидящим взглядом. Неужели Макс к Асадову полетел? А что, если нет? Если с братом что-то случилось? Три года назад он много шума наделал, вскрыв схемы обнала в крупных фирмах не только в Питере, но и в столице.

Не думала, что при таких обстоятельствах придётся наступить на свои принципы и снова обращаться к Динару за помощью. Но другого способа выяснить, куда пропал Макс, нет. Возможно, он и правда полетел к Асадову, и пусть лучше так, нежели он снова угодил в какую-нибудь передрагу.

– Виолетта, привет. Мне нужны контакты Асадова, – на одном дыхании говорю я, позвонив помощнице Градского.

– Что? – удивляется она.

– Контакты новых партнёров. Асадова, можно и Измайлова на крайний случай. Я знаю, что у тебя всё есть, ты же как справочное бюро.

– А что случилось-то? – лениво отзывается она, чем вызывает у меня раздражение.

– На свидание пригласить хочу. В Москве. Место застолбить после тебя.

– А если серьёзно?

– По личному вопросу. А личное, как ты знаешь, я не обсуждаю.

– Хорошо, – недовольно хмыкает Виолетта. – Десять минут. Зайду в облако и пришлю СМС. Илья в курсе этого твоего «по личному вопросу»?

– Много лишней для тебя информации.

Я завершаю вызов и нервно расхаживаю по комнате, то и дело поглядывая на телефон.

Проходит пятнадцать минут, и у меня на руках рабочие номера Асадова и Измайлова. Внутри всё дрожит от мысли, что, возможно, сейчас я совершаю непоправимую ошибку, но не знаю, кому ещё звонить в этой ситуации. Даю себе ещё полчаса на размышления и набираю Наде. Она сообщает, что всё без изменений. Можно, конечно, попросить её позвонить Динару, но я сразу же отметаю эту мысль. Если Макс сейчас у него, то будет неправильно перекладывать ответственность за свои поступки на чужие плечи. Пусть Динар не думает, что я его боюсь.

Выдыхаю, чувствуя, как всё сжимается внутри, и набираю цифры на дисплее телефона. Это будет первый и последний раз, когда я это делаю. И снова ради Макса.

– Да, – раздаётся на том конце вкрадчивый и сосредоточенный голос.

Я столько раз слышала его раньше, но сейчас всё равно теряюсь.

– Вас не слышно, – говорит Динар и уже собирается положить трубку, попросив перезвонить, когда я произношу:

– Динар... – Сглатываю огромный ком в горле. – Это Наташа. Шведова Наташа, – уточняю я, на случай если за эти три года он забыл, как звучит мой голос.

8 глава

Наташа

Динар молчит. Не ожидал, что позвоню? До сегодняшнего вечера я и сама не знала, что отважусь на такой шаг. И пусть не думает, что мне было легко.

– Я слушаю. Что случилось? – наконец спрашивает он спокойным голосом.

Где мне взять хоть крупицу такого же самообладания? Он, может быть, каждый вечер на гвоздях стоит? Почему мне так трудно говорить? Словно песка в рот насыпали. Но обратной дороги нет.

– Ко мне вчера прилетал Максим. Он должен был вернуться в Мюнхен несколько часов назад, но позвонила Надя и сказала, что его до сих пор нет и он не выходит на связь. Вы не виделись с ним? Я больше не знаю никого, к кому бы он мог полететь...

Я прижимаю трубку к уху так сильно, что оно горит. Снова повисает молчание, слышу какой-то звук, похожий на хлопок.

– Ты сейчас серьёзно про «прилетал»? – в голосе Динара мелькают нотки раздражения. – И как давно такое практикуете?

Мне становится грустно. Я словно возвращаюсь в прошлое: у него те же интонации, когда я сказала ему о том, что брат привёл в отель замужнюю женщину и не собирается отдавать её Хабарову. Столько времени прошло, а чувство такое, будто всё случилось вчера...

Я до боли закусываю губу.

– Не был у тебя, да?

– Я вопрос задал, Наташа, – с нажимом повторяет Динар. – Давно подобное практикуете? – Каждый звук его голоса бьёт по нервам.

– Нет. Он впервые прилетал. Сказал, что всё удачно совпало, упоминал про какого-то человека, с которым ему нужно пересечься в Москве. Я подумала: может быть, с тобой?

Асадов какое-то время молчит, словно обдумывая мои слова, а потом шумно выдыхает. Похоже, что курит в машине. Слишком тихо, нет посторонних звуков.

– У меня его нет. Но если бы я был в курсе, что он прилетит, лично бы его перехватил и обратно отправил первым же рейсом, – заявляет он с уверенностью. – Ладно. Если что-то узнаю, перезвоню.

Динар завершает звонок. Всё же нужно было попросить Надю ему позвонить. Вот что за привычка лезть в самое пекло? Наши пути разошлись три года назад, но неужели из-за Макса придётся с ним общаться? Брат снова угодил в передрагу? Вечно с Максом так... Ему за тридцатник давно перевалило, он семьёй обзавёлся, а всё такой же безрассудный. Впрочем, как и его непутёвая сестра.

А что, если Хабарова выпустили, и он следил за мной, выжидая, когда появится Макс? Господи, неужели за нами с Тимом действительно следили? Мне становится дурно от этой мысли, но я тут же беру себя в руки и стараюсь не поддаваться негативным эмоциям. Если бы следили, я бы заметила. К тому же Макса все считают погибшим. Из моего окружения только Илья знает правду. Нет. Вряд ли это Хабаров. Но забытое чувство страха за жизнь брата уже активизировалось. А что, если Динар ничего не выяснит? Что тогда? К кому обращаться? Пытаюсь вспомнить фамилию человека, который три года назад помог Максиму выехать из страны, но тщетно.

Всю ночь сплю беспокойно, а утром собираюсь в дорогу, не переставая думать о Максе и вчерашнем звонке Асадову.

Мы гуляем с Тимом на улице, когда мне звонит Илья:

– Наташка, мне никак не вырваться. Я не успею тебя проводить. Не обижайся, златовласка, хорошо? Сам больше недели торчу в горах. Смертельно устал и в такие моменты хочу бросить всё и в Питер улететь. Я думал, в офисе сидеть буду, людьми руководить, а по итогу с одного объекта на другой как горный козёл скачу. Так и сказал отцу на днях, а он лишь посмеялся. Буду настаивать, чтобы обратно переводил. Ты не против?

– Илюш, я не против. Мы, конечно, будем скучать с Тимом по тебе, но отпустим... – придаю голосу грустные интонации, а сама едва сдерживаю улыбку.

– Отпустим? Со мной полетите! Полетите же, Наташ?

– Ну... Пока я лечу в Москву по работе, а как вернусь, можем поговорить о возвращении в Питер. Сомневаюсь, что отец сию же секунду депортирует тебя обратно. Ему выгодно, что ты находишься здесь. Везде же нужны свои люди. Иначе порядка не будет.

– Ладно. Я как со всем разгребусь, сам прилечу в Москву. Погуляем по городу, в ресторане где-нибудь посидим. Сто лет в столице не был. Хочешь? – предлагает Илья.

– Хочешь. Только фотку накануне вылета пришли, а то я уже и забыла, как ты выглядишь. Боюсь, не угадаю и мимо пройду, если встретимся.

– Не смешно, потому что это правда. – Он печально вздыхает. – Как там Тим?

– Нормально. Играет в песочнице. Мы вышли погулять.

О том, что ко мне прилетал брат и исчез, рассказать не успеваю: Илью кто-то окликает, он говорит, что перезвонит, и отключается.

Так и живём. То он в командировках, то я. Встречаемся урывками. И я жду, что не за горами предложение съехаться, и, как вытекающее из этого, предложение зарегистрировать брак, но если ещё и в Питер придётся вернуться... Это ведь нужно будет знакомиться с родителями Ильи, поддерживать с ними общение, иногда появляться на людях? Вдруг они будут против того, чтобы их сын женился на мне? Ракитин-старший ушёл в политику, выиграл выборы два года назад, трясётся за свой рейтинг, а его сын возьми и женись на обычной девушке из народа, да ещё и с готовым ребёнком, который к их семье не имеет никакого отношения... Сомнительная радость для семьи уважаемого депутата. Но с точки зрения рейтинга – неплохой ход.

Собираю вещи и поглядываю на телефон. Кто бы мне несколько дней назад сказал, что я буду ждать звонка от Асадова, рассмеялась бы.

Такси приезжает за мной около семи вечера. Я не люблю летать. Особенно неприятны моменты взлёта и приземления. Закладывает уши, сильно тошнит, и болит голова. В этот раз ещё и Виолетта весь перелёт болтает без умолку, и два с половиной часа превращаются в пытку. Мысленно делаю пометку, что

обратно лучше поменяться местами с Градским или его замом. Начальству она побоится присесть на уши.

В аэропорту нас встречает помощница Измайлова. С ней ещё два человека. Инга сопровождает нас до машины, и мы едем в отель. Мне кажется, что я заметила знакомое лицо среди встречавших нас людей, но не могу вспомнить, где видела этого человека. Лишь после отдыха и новой встречи, когда утром он отвозит нас в офис к Измайлову, вспоминаю, где его видела. Это Степан, один из охранников Асадова.

Пошли вторые сутки, а от Макса никаких вестей, и Динар зачем-то приставил ко мне своего человека... Вечером я звоню Симе узнать, как у них дела, прошу дать мне Тимура, но она сообщает, что он уже спит. После разговора с няней открываю фото в галерее на телефоне и долго смотрю на своего маленького сынишку, умирая от нежности и тоски. Взять и послать Асадову какой-нибудь из многочисленных снимков с подписью: «Это твой сын». Жаль, не увижу его лица в этот момент. А очень бы хотелось. Если Макс был в таком шоке, когда узнал, то и Динара не оставит равнодушной эта новость. Хотя я ни в чём не уверена. У меня сложилось твёрдое убеждение, что он вовсе разучился чувствовать за эти годы.

Стоит подумать об Асадове, как раздаётся звонок. Я закусываю губу и смотрю на дисплей. Не хочу отвечать, не хочу с ним общаться, не хочу потом полночи думать о нём, как это было после того вечера, когда он окликнул меня на парковке. Понимаю, что сама виновата, ведь Макс прилетел из-за меня. Но если бы знала, что будут такие последствия моего молчания, то отговорила бы брата от этого шага.

9 глава

Наташа

Я отвечаю на звонок и подхожу к окну. Разговор, скорее всего, будет коротким, но я надеюсь услышать хорошие новости. Пусть Динар скажет, что с Максом всё в порядке и он нашёл его.

- Привет. Не спишь? – спрашивает Асадов.

Слышу на том конце трубки спокойное, размеренное дыхание. Хочется связать и попросить себе хоть каплю его выдержки и самообладания. Я ведь помню, каким страстным он может быть. Но сейчас его сдержанность похожа на вежливое равнодушие. Не более того.

- Привет. Не сплю, – тихо отзываюсь я и перевожу взгляд на часы на прикроватной тумбочке.

Размышляла над тем, чтобы прислать тебе снимок сына. Но если когда-нибудь решусь рассказать о Тимуре, то это будет при личной встрече. Хочу видеть твои глаза в этот момент.

- Я заметила в аэропорту человека из твоей охраны. Зачем? Мне что-то угрожает? – Хочется сразу всё прояснить.

- Нет, Наташа, тебе ничего не угрожает. Как долетели?

Неужели помнит, что я плохо переношу перелёты?

- Всё хорошо. Ты узнал что-нибудь про Макса?

- Пока нет, – протяжно выдыхает он, и я слышу, что опять курит. – Тот, кто, по моему мнению, мог быть замешан, сидит в тюрьме. Если Макс вдруг появится, то дай знать по этому номеру или звони Паше: меня два или три дня не будет в Москве. Есть номер Измайлова, или скинуть?

- Есть. Зачем тогда охрана, если мне ничего не угрожает? Ты что-то недоговариваешь? За Максом следили? Не поверили в его смерть?

- Макса давно сбросили со счетов, но есть и такие, кто не поверил в его гибель. Зачем тебе охрана? – В голосе Динара слышны весёлые нотки. – Мой человек будет поблизости, пока ты находишься в столице. Я заметил, что твой жених не справляется со своими обязанностями. Незнакомые мужчины позволяют себе прикасаться к его невесте, знаки внимания оказывают, а он спокойно отпускает её в командировки. Ракитину это ничего не будет стоить. А если тебе понравятся

услуги Степана, то и домой его с тобой отправлю, хочешь?

Меня в жар бросает от его слов. Динар же шутит? А если этот человек действительно отправится за мной и увидит Тима, а потом доложит об этом Асадову? Получается, своим звонком я сама себе яму вырыла? И какое право он имеет делать такие вещи?

– Я сама в состоянии выстроить границы в общении с противоположным полом, – произношу медленно, борясь с волной гнева, которая поднимается откуда-то из глубин.

– Да, я заметил. Пришлось проводить с Джоном воспитательную беседу, чтобы он больше не распускал рук. Или думаешь, почему он таким шелковым стал? Так вот, это должен не я делать, а твой мужчина. Может, и с Ракитиным поговорить, чтобы он наконец им стал, а то, как погляжу, ничего не меняется?

Он словно режет этими словами по старым шрамам.

– Ты всё такой же самовлюблённый эгоист, для которого только собственное мнение верное. – Злость всё же берёт мозги под контроль. – Не смей больше вмешиваться в мою жизнь!

Я не могу сдерживаться. Хочется говорить Асадову в лицо всё, что думаю. Всегда так было.

– Наташа, напомнить тебе, что это ты мне позвонила, а не я? И это мне сейчас приходится напрягать людей, с которыми я пообещал себе не иметь никаких дел. Мог бы забить на всё и ничего не выяснять. Я и так много для Макса сделал. Очень много, – подчеркивает интонацией голоса. – И больше не имею желания разгребать его проблемы, – жёстко заканчивает Динар.

– Я бы не позвонила тебе, но не знаю никого, к кому могла бы обратиться с этим вопросом.

– Почему Надю не попросила позвонить? Не боишься, что этот шаг повлечёт за собой последствия? Вдруг я захочу пригласить тебя выпить кофе? – спрашивает Динар, а моё сердце стучит так быстро, словно сейчас выпрыгнет

из груди. – Мы живём в одном отеле, я сейчас стою в фойе. Спустишься?

Мне кажется, что у меня слуховая галлюцинация. Он серьёзно? Дурочка...
Действительно, следовало Надю попросить. Куда я полезла?

– Я не буду с тобой встречаться. Я давно вычеркнула тебя из своей жизни. И не прошу у тебя помощи: я позвонила выяснить, известно ли тебе что-то о местонахождении брата. Если сможешь узнать, то буду благодарна за информацию, а если нет, то буду дальше думать, как это сделать. Если не ошибаюсь, фамилия человека, который три года назад помог Максиму улететь из страны, Парфёнов? Геннадий Альбертович?

Две ночи вспоминала. Хорошо, что есть интернет.

– Да-а-а, Наташа, – разочарованно тянет Динар и тяжело вздыхает. – Ты всё такая же безрассудная и эмоциональная, хотя выдержка и контроль стали чуть лучше. Твой звонок ставит под сомнение все слова, которые ты сказала мне накануне, когда я остановил тебя на парковке. И по поводу моего человека – ты бы подумала и не отказывалась. Ракитин ведь не досмотрит, а Степан поблизости будет, если вдруг какой мужчина начнёт оказывать знаки внимания, настаивать на встрече или в благодарность за помощь попросит о какой-нибудь услуге. Я же от самого себя защитить не смогу, а он профессионал своего дела.

– Попросит о какой-нибудь услуге за помощь? Правда? Так я тебе заплачу! Только тебе не понравится. Если твоё желание выпить кофе ещё в силе, то я спущусь и плесну его тебе в лицо. А потом закажу снова и повторю, чтобы тебе не показалось мало. Я заплатила за всё сполна и даже больше в тот вечер, когда ты смешал мои чувства с грязью! Тебе и в самом деле лучше не убирать от меня своего человека, потому что, когда ты притронешься ко мне, я расцарапаю тебе лицо, и он будет единственным, кто оттащит меня от тебя. Сама я остановиться не смогу.

Динар смеётся.

– Вот видишь, как оказывается легко с тобой договориться. Ты уже сама просишь, чтобы мой человек приглядывал за тобой.

Его и впрямь забавляет моя реакция? Я с силой сжимаю кулаки и жмурюсь.

– Успокойся, Наташа. Из вашего отеля я уехал примерно два часа назад. И живу сейчас у Измайлова. Но соблазн подняться к тебе в номер и поговорить лично, а не по телефону был очень велик.

– Ты... Ты... – Я задыхаюсь от гнева и не могу подобрать слов.

– Макс зря высунулся. Мало времени прошло для таких поездок, но дело сделано. И ты зря прилетела. Я до последнего надеялся, что придумаешь повод и останешься дома со своим женихом. Ну или, в конце концов, прилетишь вместе с ним. В Москве с тобой будет мой человек, если Ракитину совсем плевать на тебя, – безапелляционно произносит Динар и сбрасывает звонок.

Меня трясёт. Как легко он вывел меня на эмоции. Какой же гад! Ненавижу! И хорошо, что ничего не сказала ему о Тимуре. И не скажу! По крайней мере, точно не в ближайшее время. Я почему-то уверена, что Динар не станет отбирать ребёнка, но, узнав про сына, захочет участвовать в его жизни. И это самое страшное. Я не выдержу его атак и напористости. Ведь он каким был непробиваемым, таким и остался. Ведёт себя как ни в чём не бывало – словно это не он три года назад разбил мне сердце, а я ему.

«Моё предложение выпить кофе в силе. Если мне не изменяет память, ты любишь гляссе? И ногти у тебя короткие. Ссадины на лице заживут быстро», – приходит в сообщении от Динара, но я тут же удаляю его, оставив без ответа.

Негодяй! Какой же негодяй... Даже заметил мой маникюр в прошлый раз? А я дура, что позвонила ему. «Так же будет правильно. Пусть не думает, что я боюсь, у меня всё под контролем». Под контролем? А он взял и вывел меня из себя в два счёта.

История про Макса, брата Наташи, называется «Я тебя не помню».

Наташа

Два последующих дня мы проводим в зале переговоров. Я работаю с документами, много общаюсь с американцами и людьми Измайлова. Виолетта ходит за мной повсюду, следит за каждым шагом, будто заделалась личным охранником. Или Асадов и её завербовал? От него, кстати, никаких новостей: я не видела его со дня прилёта.

Я разговариваю с няней и Тимуром по видеосвязи, когда стучат в номер. Завершаю вызов и иду к двери. На пороге стоит Виолетта, одетая в вечернее платье.

- Только не говори, что забыла про ужин в «Тадж Махале».

- Чёрт, - хмурюсь я. - Я думала, там не будет американцев и можно не идти.

- Думала она. Собирайся. У тебя десять минут. Представляешь, Джон, кажется, запал на меня! Но мне всё равно нравится Асадов. Измайлов тоже хорошенький, но слишком уж наглый и вечно в цифрах и расчётах, даже головы не поднимает от бумажек. Повезло же тебе с Ильёй. В меру серьёзный и такой душка, а эти непрошибаемые какие-то... Таких акул у Градского ещё не было.

Быстро собираюсь, слушая монолог Виолетты. Надеваю чёрное платье-футляр, распускаю волосы. Наношу немного макияжа. Если раньше я стеснялась своей внешности, то теперь мне в себе всё нравится и я подчеркиваю бледность кожи тёмными оттенками одежды.

В ресторан мы чуть-чуть опаздываем. Поднимаемся на второй этаж, и я почти сразу замечаю в толпе новое лицо, которое до этого дня не видела. Виолетта сообщает, что это Таня - помощница Асадова. На вид она чуть старше Романовой. Мне безумно интересно, почему Карина больше не работает на Динара. Как давно ушла от него? Или её уволили? Мы подходим к Инге с Татьяной, и в беседе я уточняю, как давно они работают на своих боссов. Оказывается, Таня второй год занимает свою должность в компании Асадова. Немаленький срок. Моё любопытство частично удовлетворено, и я возвращаюсь к американцам.

Вечер близится к концу, когда в зале появляется Динар. Он подходит к Градскому, они о чём-то долго разговаривают. Я стараюсь не смотреть в их сторону и делаю вид, что Асадова нет в ресторане, но то и дело ловлю на себе его взгляд, от которого на теле выступают мурашки.

– А вечер обещает быть не таким уж и скучным, – расплывается в улыбке Виолетта, глядя на Асадова горящими глазами. – Я так ждала его появления. И вообще-то, Наташа, врать нехорошо. Я набралась смелости и спросила у Тани про её босса. Так вот, он сво-бо-ден!

– Что? – удивляюсь я, разглядывая широкую спину Динара.

– Да, и Измайлов свободен. Сегодня я уйду с кем-нибудь из них. Но лучше с черноглазиком. В постели он, наверное, очень горячий. Ты видела его руки?

Динар развёлся с Катиной? Виолетта, может быть, что-то не так поняла? Вспоминаю, как он обошёлся со мной в тот вечер, когда я нашла документы в его кабинете... Ведь они были настоящими! Не подделкой. Как и всё остальное, что находилось в папке. А его последующие слова и поведение? Динар расстался со мной жёстко. Хладнокровно. Цинично. Мне казалось, что у него есть ко мне чувства и он не сможет причинить мне боль. Но я ошибалась. Смог.

Виолетта, заметив, что Асадов остался один, расправляет плечи, просит пожелать ей удачи и направляется к нему. Я ничего ей не желаю и отворачиваюсь. Не хочу за этим наблюдать. Выпиваю залпом стакан воды и концентрирую внимание на американцах. Они сейчас главное. И контракт Градского. Всё остальное второстепенно.

Около девяти вечера я иду в тихую часть здания, чтобы набрать Симу. Хочу услышать голос Тимура и пожелать ему спокойной ночи. Сын спрашивает, когда я вернусь. Отвечаю, что скоро, и завершаю звонок. Собираюсь вернуться в зал, но замечаю, что Асадов направляется ко мне.

– Отойдём. – Динар берёт меня за локоть и уводит в тёмный угол. – На пару слов.

– Руки убери, – шиплю я и опускаю глаза на его ладонь.

– А если нет?

Вскидываю голову и с вызовом смотрю в сузившиеся глаза Асадова. Он, как и всегда, спокоен и сдержан.

– Я обещала расцарапать тебе лицо, если ты ко мне прикоснёшься, и я сделаю это!

Динар никак не реагирует на мои слова, и я впиваюсь в его руку ногтями. Сильно. До крови. Пальцам тут же становится влажно. Я не могу быть рядом с ним. Видеть его, слышать голос, чувствовать запах туалетной воды. Это выше моих сил.

– Если ты сейчас же не отпустишь, ногти переместятся на твоё лицо. – Внутри всё дрожит вместе с голосом.

– Я ведь думал, ты забыла меня, Наташа. Не забыла?

Так хочется верить, что он лишь внешне сдержан, а внутри у него всё клокочет. Как и у меня.

– Можешь быть уверен: никогда не забуду боль, которую ты мне причинил!

Динар смотрит на меня цепким взглядом. Отпускает локоть и сбрасывает мою руку. Поднимает ладонь, демонстрируя на ней две красные дорожки, а затем проводит пальцами по моему плечу, пачкая своей кровью. Я делаю глубокий вдох, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вцепиться ему в лицо.

– Я нашёл Макса. Человек, с которым он должен был встретиться, его сдал, – говорит он на полтона ниже, и я вздрагиваю.

Резко становится не по себе, начинает слегка трясти, и в глазах появляются слёзы.

– Макс жив, Наташа, – тут же добавляет Асадов, заметив мою реакцию. – Малость потрепали, но будет ему уроком, что не стоит высовываться и рисковать. Завтра утром у него самолёт в Мюнхен. Если успеет порешать кое-

какие вопросы, то вы, возможно, увидите.

Я сглатываю огромный ком в горле и закусываю нижнюю губу. Нужно поблагодарить Динара, но не могу произнести ни звука – в грудь будто всадили кол, а в рот насыпали иголок. В голове тревожно стучит лишь одна единственная мысль: скажи спасибо и уходи. Однако сдвинуться с места я тоже не могу.

Динар пристально всматривается мне в лицо, и вдруг его маска холодности слетает, в глазах появляется боль. Он протягивает руку и нежно гладит меня по щеке.

– Улетай, Наташа. Блядь, прошу тебя, улетай, пока не поздно. Моей выдержки не хватает. Я обещал себе не лезть в твою жизнь, но смотреть, как возле тебя крутятся мужики и пожирают глазами... Это выше моих сил. Это провоцирует на ответные действия. А я не всегда бываю сдержан.

– Хочешь меня доломать, Асадов? – сдавленным голосом спрашиваю я. – Но почему бы тебе не отказаться от контракта и самому не улететь? Я не могу лишиться заработка. С какой стати я должна отказываться от своей работы? Пока ты был в браке и строил империю, я начинала всё с нуля в другом городе. С разбитым сердцем. Одна. Думаешь, это было просто? Почему я должна бежать от тебя? Моей выдержки хватит сказать тебе «нет». Поэтому я прилетела.

Динар снова касается меня. Соединяет наши лбы и прижимается всем телом. Кладёт руки на талию. Наши губы в миллиметре от того, чтобы слиться в поцелуе, но он просто смотрит на меня. Пытаюсь его оттолкнуть, но тщетно. Он крепко держит, и я впиваюсь в его руку ногтями с новой силой и скребу по ней. Умышленно причиняю ему боль. Вот только она ничто в сравнении с той, которую я пережила.

– Ты же сейчас до кости достанешь, – хрипло произносит он.

– Ты разбил мне сердце, Динар. Эта дрожащая оболочка уже не та Наташа, которая когда-то любила тебя. Я бы не позвонила и никак не дала о себе знать, но Макс... – Мне трудно говорить, и требуется время, чтобы продолжить: – Твоё желание сблизиться причиняет боль. Если ты хоть что-то чувствуешь ко мне, то больше никогда не появишься в моей жизни.

Его дыхание щекочет кожу, а глаза выворачивают душу наизнанку.

– Всё ноет внутри, когда смотрю на тебя и твои попытки держаться при мне равнодушно и отстранённо. Стоит подойти, как ты превращаешься в оголённый нерв. Ты действительно стала ещё красивее, Наташа. Настоящее искушение. Всем, кто смотрит на тебя голодными глазами, свернул бы шею. Но потерял это право. И изменить ничего нельзя.

Запах Динара, его руки на моей талии и чёрные глаза, испепеляющие своим огнём, бросают в омут прошлого. Это больно и приятно одновременно. Во мне борются две сущности. И побеждает та, которая плакала по ночам до сорванного голоса от тоски по мужчине, вычеркнувшему меня из своей жизни. Второй раз я уже не выберусь на поверхность. Не настолько сильная и не такая безрассудная.

Динар отпускает меня, а в голове мелькает мысль, что это наша последняя встреча и я больше не увижу его. Пусть будет так. У меня теперь есть Тим. Я выстою.

Подхожу к Виктору Валентиновичу и отпрашиваюсь под предлогом того, что неважно себя чувствую. Не хочу больше оставаться в ресторане. Вызываю такси и иду вниз, когда меня вдруг окликает Виолетта.

– Ну ты и лицемерка, Наташа! – разочарованно летит мне в спину. – Я видела вас с ним.

Виолетта достаёт телефон и тычет мне в лицо экраном. Да ладно? Сняла видео, как Асадов зажимает меня в углу?

– Я Илье отправила. Пусть знает, чем ты в командировках занимаешься.

11 глава

Наташа

– На двух стульях захотела усидеть, Наташа? А не получится! Теперь Илья узнает, какая у него честная и верная невеста, а то пылинки с тебя сдувает, чуть ли не боготворит... Вот только до того, как ты его пальцем поманила, он за мной ухаживал, ясно? Вечно ты лезешь, куда тебя не просят!

Я не знала, что Илья встречался с Виолеттой. Да и откуда? Сплетен не собираю, за чужими жизнями не слежу. Погрузилась в ребёнка и работу, а с кем проводит время Илья, никогда не интересовалась. Эта новость мне неприятна, но теперь я хотя бы понимаю причину озлобленности Виолетты.

– Зависть и глупость не красят тебя ни как женщину, ни как человека.

Не хочу, чтобы Илья увидел это видео, потому что оно причинит ему боль. Возможно, он ещё не вернулся в отель? В горах часто бывает плохая связь... Понимаю, что это всего лишь отсрочка времени и разговора нам не избежать – он предстоит серьёзный и неприятный. Жаль, что на видео не слышно, как я попросила Асадова оставить меня в покое.

– Какая же ты циничная дрянь, Наташа! Ты бы трахнулась с Асадовым, да? А может, так и будет? Он придёт к тебе вечером, и вы проведёте с ним жаркую ночь? А потом ты как ни в чём не бывало к жениху вернёшься? Вот только сомневаюсь, что Асадову нужен будет твой довесок. Это не Илья, который бежит, стоит тебе поманить его пальцем.

Когда Асадов узнает про мой довесок, о спокойной жизни точно можно будет забыть. Как я поняла, Катина за три года не успела ему никого родить.

Направляюсь к лестнице, не желая больше слушать бред, но Виолетта хватает меня за руку.

– Тебе совсем плевать на чувства Ильи, да? Он же кинет тебя после этого видео!

– Это тебе плевать на чувства других людей. И прежде чем делать выводы, ты бы думала головой, а не тем, что подтекает между ног. Я не бросаюсь на мужиков, как голодная самка. Илья – умный мужчина, а не истеричка, как ты. Он выслушает и обязательно поймёт. Кроме разговора на видео, ничего нет. Всё остальное – твои домыслы, озабоченная.

– Голодная самка? Ты на что это намекаешь?

Я пытаюсь выдернуть руку из мёртвой хватки.

– Прямо говорю: мужикам не нравится, когда на них вешаются.

Виолетта разжимает кулак и отталкивает меня.

– Да пошла ты! Святоша выискалась. Сама нагуляла где-то ребёнка, ещё жизни пытается меня учить!

Не удержав равновесие на высоких каблуках, я оступаю и лечу вниз. Всё происходит так быстро, что даже не успеваю испугаться. Больно ударяюсь плечом о ступени, и глаза застилает тёмная пелена.

– Наташа! – испуганно причитает Виолетта. – Господи... Я сейчас вызову скорую. Сейчас. – Её голос дрожит. – Где болит? Ты же сама виновата! Зачем провоцировала меня? Дура!

Не знаю, где болит, но чувство такое, будто меня пропустили через мясорубку. Руки и ноги шевелятся, только встать не могу. «Боже, лишь бы отделаться ушибами. Только бы не переломы», – стучит в висках.

– Жаль, что камеру опять не включила. Такие бы кадры засняла, – вяло произношу я и хватаюсь за голову.

Кажется, всего лишь на секунду прикрываю глаза, а когда открываю их, то понимаю, что нахожусь в карете скорой помощи. Медсестра показывает мне пальцы на руках, я называю правильное число, и она утвердительно кивает. Ставит укол, и я снова проваливаюсь в пустоту.

Когда открываю глаза в следующий раз, то уже нахожусь в больничной палате. В сознание вторгается странный писк вместе с мыслью, что я пришла в себя и теперь всё будет хорошо. Схожие ощущения я испытывала, когда Тим появился на свет раньше срока. Я тогда сутки провела в реанимации, долго не отходила от наркоза. Вот и сейчас всё как в тумане.

С третьей попытки мне удаётся сфокусировать взгляд на человеке, который стоит в изголовье кровати. Сильно болят голова и подбородок. Чувствую себя так, будто побывала под бетонными завалами и надышалась пылью. Давит на грудь и правое плечо.

- Ты? - хрипло произношу, вглядываясь в знакомое лицо.

- Я, - отвечает Асадов. - С тобой всё в порядке. Небольшая рана, ссадины и ушибы, а это, - обводит он глазами приборы и провода, - просто перестраховка. Не пугайся. Ты тяжело отходила от наркоза.

Пытаюсь пошевелиться, и плечо простреливает резкая боль.

- Просто перестраховка? - стону я. - Точно?

- Да, точно. Плечу немного досталось. Его зашивали под наркозом. В ночь я попросил медсестру, чтобы она увеличила дозу снотворного и обезболивающего.

Динар выглядит уставшим. Под глазами залегли чёрные круги. Он провёл со мной в палате всю ночь?

- Что случилось, Наташа? Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как ты и помощница Градского пошли на выход. Виолетта говорит, что ты оступилась на лестнице и упала. Это действительно так?

Осматриваю своё тело, шевелю ногами и руками. Кажется, в самом деле обошлось. В целом я не так уж и плохо себя чувствую. Какая же Виолетта дрянь! Оступилась, да? Но с ней я сама разберусь. Не хватало ещё, чтобы Динар начал разбираться и она сказала ему про Тимура. Или он уже всё знает? Я поднимаю голову, вглядываясь в смуглое лицо. Асадов выглядит спокойным, но смотрит на меня задумчивыми глазами.

- Да, примерно так и было. Ты ночевал здесь?

Он коротко кивает.

– И как жена отреагировала? Ах да, ты же в командировке... Наверное, соврал, что был очень занят или рано уснул?

Это всё защитная реакция. Даже не знаю, на что. От Динара ведь не исходит никакой угрозы, но мне почему-то не по себе от его присутствия.

– Я не отчитываюсь ни перед кем, где и как провожу своё время, – хлётко выдаёт он. – На случай, если тебе интересно, в браке я до сих пор или нет... так вот, ничего не изменилось: я по-прежнему в браке.

Что и следовало ожидать. Помощница Асадова не могла сказать прямым текстом, что её босс свободен. Виолетта всё не так поняла и сама надумала лишнего.

– Где мой телефон? Мне нужно набрать... – Спыхватываюсь в последний момент, едва не выдав себя и не сказав про няню. – Илье... Он будет переживать, что я не вышла на связь.

– Телефон разбился и не включается. – Динар кивает на прикроватную тумбочку. – Можешь позвонить с моего.

– Я не уверена, что вспомню цифры, – отрицательно качаю головой. – В голове вата... – вру и даже не краснею.

Я помню номер Симы наизусть. И номер Ильи. Но звонить Ракитину, да ещё и с телефона Динара? Верх цинизма. Достаточно того, что он уже видео посмотрел. А Симу я наберу позже, хотя она, наверное, очень волнуется, что я не позвонила утром.

Облизываю пересохшие губы. Динар, заметив это движение, предлагает мне воды.

– Спасибо, – благодарю я, сделав несколько глотков из стакана, и устраиваюсь поудобнее на подушке.

– Макс... Он уже улетел? Ты с ним виделся?

– Я с ним не виделся, но он ещё в Москве. Проинструктирован людьми, которые ему помогли выбраться из передраги, что дорога в Россию отныне заказана. Сообщаю лично для тебя: ему нельзя здесь появляться. Он сильно рискует. Это был последний раз, когда мне идут на уступки. И последний раз, когда я в это ввязывался. Ты можешь летать к нему в Мюнхен, но повторяю: здесь Максиму появляться нельзя.

– Я ещё не скоро смогу полететь к нему. – Перевожу глаза на перевязанное плечо. – Но очень хочу его увидеть. Это возможно?

– Да, это возможно. Я распорядился, чтобы мой человек его привёз, а потом лично проследил, что Максим покинул страну.

– Спасибо. – Я прикрываю глаза, чувствуя, как болит голова и снова клонит в сон.

Главное, что с Максом обошлось и со мной вроде бы всё в порядке. Плечо заживёт. Бог с ним, с этим шрамом. Одним меньше, одним больше. Какая разница?

– Наташа, – тихо зовёт Асадов.

Я смотрю в его лицо и затаиваю дыхание. Узнаю это выражение. Он о чём-то думает, и эти мысли не дают ему покоя. Поэтому такой задумчивый.

– Кто такой Тим? – вдруг спрашивает он.

12 глава

Наташа

Сердце пропускает удар и начинает биться, как сумасшедшее. Динар должен был застать меня врасплох этим внезапным вопросом, но я лишь до боли прикусываю нижнюю губу, чтобы не попросить его ещё раз сказать вслух имя нашего сына. Асадов даже не представляет, кто такой Тим и кем приходится нам

двоим... Но если задастся целью узнать, то сложить один к одному не составит для него особого труда. Вот и пусть наводит справки, проводит параллели, выясняет, но только без моей помощи.

- Ты звала этого человека во сне, - давит он интонацией, когда пауза затягивается и я никак не выдаю своих эмоций.

Человека? Хочется рассмеяться и заплакать одновременно.

- Это сокращённое и ласковое прозвище. Любимого мужчины. Которому я хочу позвонить, но не могу вспомнить номер, потому что в голове сейчас очень пусто, - нахожусь я, выдерживая взгляд Асадова.

И ведь почти не обманываю. Отвечаю в присущей Динару манере: сдержанно и отстранённо. Догадываюсь, о ком он сейчас подумал. И разубеждать не стану: я по-прежнему не готова сказать ему о ребёнке.

- Узнать номер Ракитина для меня не составит труда. Не вижу в этом никакой проблемы, - холодно сообщает он.

- Буду очень благодарна за помощь, только звонить с твоего номера всё равно не буду. И о том, что ты был со мной в больнице всю ночь, Илье тоже не стоит знать. Не хочу причинять боль близким людям и заставлять их испытывать это ужасное чувство. Иной раз лучше оставаться в неведении, чем знать горькую правду.

Отец и сын имеют право знать друг о друге, я не хочу манипулировать ребёнком, но и переступить через себя и свои страхи тоже не могу. Я не готова решать вопросы опеки и встреч Динара с сыном. Не готова часто видеться с человеком, к которому у меня остались чувства. К тому же Асадов состоит в официальном браке с иностранкой. Вдруг однажды он захочет вывезти ребёнка из страны? Позволить Катине быть с Тимуром и заниматься его воспитанием? Всё же в чём-то я ужасная эгоистка, потому что не хочу ничего из вышперечисленного. Меня в жар бросает от одной только мысли, что сын окажется в чужой стране, без меня. Я даже не исключаю возможности, что Динар поставит вопрос ребром, когда узнает о своём отцовстве. От него всего можно ожидать. Однажды он уже сделал мне больно, предал моё доверие. Где гарантии, что это не повторится снова?

Напряжённое молчание прерывает появление Макса. Атмосфера и без того накалена до предела, но его присутствие добавляет лишних градусов. Я надеялась, что они не пересекутся.

Макс сильно хмурится, замечая Асадова. Замирает в дверном проёме и вскидывает подбородок. Я узнаю этот взгляд и мысленно хочу отмотать время назад, когда не посвящала брата во все свои тайны, которые хранила долгое время. Вспоминаю обещание Макса что-нибудь сломать Динару и очень надеюсь, что до рукоприкладства не дойдёт и они не станут выяснять отношения в стенах больницы и у меня на глазах. Моё сердце может такого не выдержать.

– И ты здесь? – недовольно хмыкает он. – Я же предупреждал, чтобы ты не приближался к ней? А хотя... Это даже хорошо, что мы пересеклись. Другого случая отблагодарить за помощь ведь не будет, правда? Сомневаюсь, что мы ещё когда-нибудь встретимся. Выйдем? – предлагает Максим.

– Нет. Не выйдем, – со стальными нотками в голосе произносит Динар и сжимает челюсти. – Я сейчас уйду, а ты останешься с сестрой. Всё, что я счёл нужным, сказал тебе по телефону.

– Счёл нужным?

Макс закрывает за собой дверь и подходит к Динару.

– И даже не смей мне сейчас отвечать, – цедит брат с ненавистью и с размаха бьёт Динара кулаком в лицо.

Асадов пропускает удар. А потом ещё, но остаётся стоять на ногах. Зная, как они оба быстро заводятся и какие последствия можно ожидать, я жму на красную кнопку в надежде, что персонал больницы их разнимет. Макс снова замахивается, но Динар блокирует удар и валит брата на пол, усаживаясь на него сверху. Приставляет локоть к его горлу и сдерживает безрассудные порывы нанести новые удары. Не бьёт в ответ – лишь осаждает ярость Макса, глядя в лицо бывшего друга стеклянными глазами.

У меня плывёт перед глазами. Кажется, я близка к тому, чтобы снова оказаться в спасительном забытье. Датчики сердечного ритма пищат на всю палату, но я

почти не слышу этих звуков.

– Всё? Выместил зло? Чтобы больше не смел поднимать на меня руку. Никогда! Ещё раз замахнешься, и я её вырву. Клянусь. Я тебя из тюрьмы вытащил, благодаря мне ты из страны улетел и семью вывез. Я на горло собственным принципам наступил, чтобы ты и твоя сестра в дерьме не оказались. Больше. Никогда. Не смей. Поднимать. На меня. Руку, – чеканит Динар.

– Грош цена твоей помощи после всего, что ты сделал с девчонкой, – хрипит Макс. – Сука, я ведь просил не трогать её, ты обещал, что не обидишь, а в итоге как скот с ней... Выкинул из своей жизни, словно она ненужная вещь! Я же ради неё прилетал. Она на связь через раз выходила, все контакты обрубил. Ты в душу ей плюнул, а рикошетом всех зацепило! Сам бы остался в стороне, если бы я твою сестру кинул? Какой ты друг после такого? А ты попробуй, как я, приедь к ней внезапно и без звонка? Спорим, будешь сильно удивлён переменам, которые случились за время, пока ты всех игнорировал?

Ещё никогда я не видела Динара таким злым. В глубине чёрных глаз гнев, отчаяние и боль. Он часто и глубоко дышит, Макс хрипит под ним. Они в этот момент похожи на двух зверей, сцепившихся в смертельной схватке.

– Прошу, прекратите... – слабым голосом умоляю я, и он срывается на хриплый шёпот. – Прошу...

Мне кажется, что я лишусь сейчас чувств.

Макс раскидывает руки в стороны, показывая, что больше не будет драться, и Асадов отпускает его. Поднимается с пола и несколько мгновений стоит на месте, слегка пошатываясь. Из носа у него тонкой струйкой течёт кровь, она пачкает белоснежную рубашку, но Динар как будто не замечает этого. Поднимает на меня глаза, и я невольно ловлю себя на мысли, как он на самом деле одинок. Ведь у него никого ближе нас с Максом никогда не было... Почему он так с нами? Почему оттолкнул?

Динар нетвёрдой походкой направляется к двери и выходит из палаты. Брат восстанавливает дыхание и поднимается следом. Приборы, к которым я подключена, на протяжении нескольких минут громко пищат, и мне действительно физически нехорошо. Хочу, чтобы вкололи какой-нибудь укол и я

впала в забытье. Чтобы забыла об этой сцене.

– Зачем, Макс? Я же просила... Зачем вы так? Я этого не хотела. Я не за тем тебе всё рассказала... – По щекам текут слёзы, и сердце в груди как будто кто-то сжал холодной рукой и не собирается разжимать.

– Он обещал мне, что не сделает тебе больно, и не сдержал своего слова. А я не смог сдержаться в ответ. Всё правильно.

Он нервно трёт рукой лицо и переводит взгляд на монитор сердечного ритма.

– Я позову медсестру. Попрошу, чтобы тебе дали успокоительное.

Брат возвращается в палату с медсестрой. Она ставит мне укол, отключает от проводов и оставляет нас одних. Меня всё ещё трясёт, а перед глазами стоит разбитое лицо Динара и его обречённый, погасший взгляд.

– Есть телефон? – спрашиваю я дрожащим голосом. – Мой разбился.

Я хочу позвонить домой и услышать голос Тимура. Убедиться, что с моим мальчиком всё хорошо. После короткого разговора с сыном, становится чуть легче. Я не свожу глаз с Макса, пока он сидит в кресле и смотрит куда-то в одну точку отсутствующим взглядом.

– Расскажешь, что случилось? – тихо спрашиваю я, но он отрицательно качает головой.

– Отдыхай, Наташа. Хватит с тебя переживаний.

Макс встаёт на ноги и подходит к кровати. Садится на неё и долго гладит меня по руке, пока не действует лекарство. Почти как в детстве, когда я не могла заснуть. Я проваливаюсь в сон, к счастью, без сновидений, а когда просыпаюсь, то в палате уже темно и брата нет рядом. Нахожу от него записку на тумбочке и новый телефон. Переставляю симки и получаю десять СМС о пропущенных звонках от Ильи. Хочу набрать его, но не успеваю этого сделать – на пороге появляется Виолетта.

Будь у меня силы, я бы, как и Макс, накинулась на неё и устроила вендетту за то, что она столкнула меня с лестницы.

– Пришла добить? В сумочке лежит укол со смертельным ядом? – язвлю я. Это всё, на что я сейчас способна.

– Я извиниться пришла. Хотя ты сама упала и это нелепая случайность.

– Случайность, да? Нелепая? А если бы я в себя не пришла или инвалидом стала? Была бы роковой? Ты в своём уме? У меня ребёнок маленький дома, и, кроме мамы, у него никого нет! О чём ты думала?

– Я извиниться пришла, Наташа, – повторяет Виолетта. – Я не хотела, чтобы всё так вышло. А ещё... я удалила то сообщение. Ильи долго не было в сети. Он ничего не видел. Градский сообщил ему о несчастном случае. Завтра утром Ракитин будет здесь.

Я закатываю глаза. Хоть одна радостная новость за день. Я думала, что Илья звонил мне устроить разнос.

– Но это ещё не всё...

– Ну? – Смотрю на Виолетту убитым взглядом.

– Асадов и Измайлов расторгли с нами контракт.

– Что?

– Да. Выплачивают огромную неустойку и сворачивают проект.

– Не может этого быть... – ошеломлённо выдыхаю я.

– Это правда! Какой мне смысл тебя обманывать? Градский рвёт и мечет. Я еле ноги унесла. В общем, мы завтра летим домой. Ты поправляйся. А Илья... Извини меня ещё раз. Глупо всё вышло.

Виолетта уходит, а я откидываюсь головой на подушку и закрываю глаза. Вспоминаю наш разговор с Динаром в ресторане. Тот самый, который Виолетта сняла на камеру своего телефона: я попросила Асадова исчезнуть из моей жизни, если он что-то чувствует ко мне. И потасовка с Максом... Неужели Динар действительно отказался от выгодного сотрудничества ради меня и моего спокойствия?

13 глава

Наташа

– Как же ты напугала меня, Наташа. – Илья смотрит на меня серьёзным взглядом, будто перед ним сидит маленький нашкодивший ребёнок. – Мне когда Градский позвонил, я чуть с ума не сошёл. Связь ещё отвратительная в горах, всё время прерывалась. Нормально поговорить получилось, только когда вернулся в город. Сразу же билеты купил и прилетел в Москву. Официально: это был самый долгий перелёт в моей жизни. Ты же совсем одна. А если бы что случилось? Я даже номер твоего брата не знаю! Как с ним вообще связываться?

– Со мной всё хорошо, Илюш. Обещают выписать через два дня. Я лишь ушибами отделалась. – Трогаю его руку и вымученно улыбаюсь.

Мне не нравится, когда он волнуется и переживает.

– Ну да. И швом в полплеча. Больше никаких каблуков, поняла? Хотел бы сказать: и командировок, но ведь не слушаешь?

– Всё заживёт. Ничего страшного не случилось.

Соблазн рассказать Илье о том, что его бывшая подружка приревновала меня к Асадову и толкнула, когда я стояла на краю лестницы, очень велик. Но вряд ли у меня повернётся язык. К тому же Илья, похоже, не в курсе, что Асадов прилетал к нам в город и собирался строить вместе с Градским сеть отелей на южном побережье. Может быть, всё так и останется под грифом «Секретно»? Я была бы не прочь забыть об этих днях как о тревожном сне.

– А почему всё свернули? Витя злился ужасно, что его кинули. Ты не в курсе? Он что-то говорил, но я почти не слушал. Все мысли о тебе были в тот момент.

– Я не знаю подробностей. Виолетта сказала, что они улетают, и сразу ушла.

Илья никак не реагирует на упоминание о бывшей подруге, а я молчу, что общалась с Динаром и позволяла ему прикасаться к себе.

– А знаешь, что я придумал, златовласка? – спрашивает Илья. – У тебя же сейчас больничный? И Витя пообещал, что в отпуск тебя отправит, даст восстановиться. Так вот, я подумал, может, вы с Тимом со мной в Питер слетаете? Это даже не переезд и не просьба бросить работу и стабильность, к которой ты всегда так стремилась. Но поехать вместе со мной в отпуск и провести время в родном городе – почему нет? Поживём на даче у родителей. Там воздух, простор для мелкого. Я ни на чём не настаиваю и не подталкиваю тебя ни к каким решениям, но отец идёт мне навстречу, а я не хочу упустить свой шанс. И тебя оставлять не хочу.

Иногда кажется, что Илья умелый манипулятор. Издалека начинает, мягко стелет, никогда не идёт напролом и всегда предоставляет право выбора. И мне это очень нравится. Он создаёт иллюзию, что я сама принимаю решение, хотя уже, наверное, и билеты на всех троих заказал, и с жильём порешал вопросы.

– Симу возьмёте, она будет очень рада полететь с вами. Помнишь, вы в прошлый раз её брали, когда ты домой летала? Она потом ещё долго с восторгом о Питере отзывалась.

– А ты умеешь вести переговоры, да?

– К тебе у меня всегда нестандартный и индивидуальный подход, – смеётся Илья. – Ну так что? Я покупаю билеты? Мы, как и собирались, погуляем по городу, в любимые места сходим. С Москвой у нас не заладилось, так хоть дома оторвёмся. А если повезёт, то в Карелию к другу моему на день рождения вырвемся на пару дней. С родителями тебя познакомлю.

Вот с родителями я бы пока не торопилась. Вдруг они сочтут меня неподходящей партией для их сына?

– Я сначала спрошу у Симы, сможет ли она полететь с нами, а потом буду принимать решение, хорошо? Она и так почти неделю с Тимом одна. А меня ещё даже не выписывают.

– Блин, Наташка. – Илья скользит взглядом по моим губам, когда я растягиваю их в лёгкой улыбке. – Я бы тебя закрыл у себя в квартире и никуда больше не выпускал. Честное слово. Но ты же маленький пугливый заяц...

Илья приближается ко мне, касается губами щеки. Его дыхание обжигает кожу, а потом он впивается в мои губы настойчивым поцелуем. Я пытаюсь найти в себе хоть каплю желания, чтобы ответить ему с такой же искренностью, когда в палате появляется медсестра и прерывает нас.

– Я буквально на пару минут. Сделать укол, – говорит девушка, и Илья, усмехнувшись, отпускает меня.

Часто вспоминаю свою растерянность, когда узнала о беременности. Я тогда много плакала. Из-за гормонов, от отчаяния, что осталась одна, а Динар так жестоко обошёлся со мной и не искал больше встреч, не пытался ничего выяснить обо мне. Казалось, если он узнает, что я жду от него ребёнка, то попросит вернуться, разведётся с Катиней, и между нами всё будет как прежде. Какая же я была глупенькая... Такие, как Динар не меняют своих решений. Однажды мою истерику застал Илья. На эмоциях я ему обо всём рассказала. Он успокоил меня и заверил, что будет рядом. И в отличие от Асадова, сдержал слово. Через пять месяцев я родила прекрасного мальчика и долгое время не задумывалась о личной жизни. А теперь понимаю, что пришло время навёрстывать упущенное. Мне приятны забота помощь/внимание и поддержка Ильи, нравится, что он стремится взять часть моих забот на себя. И что самое главное – не давит и не торопит ни с какими решениями. А Динар... Он не просто разорвал контракт с Градским и улетел, а забил ещё один гвоздь в крышку гроба с моими чувствами.

Я не уверена, что вернуться в Питер – хорошая идея, и в глубине души надеюсь, что Илья перегорит. Но побывать в родном городе очень хочу. Я давно не была на могиле у родителей, дом в Гатчине необходимо привести в порядок. Заодно сделать заграничный паспорт для Тимура, чтобы мы смогли полететь в Мюнхен.

Из больницы меня выписывают на пятые сутки. Плечо ноет, но в целом я чувствую себя так, будто ничего не произошло. Мы с Ильёй возвращаемся домой поздним вечером. Я заранее прошу Симу не укладывать Тимура спать, и сынишка, увидев меня в детской, бросается мне на шею. Просит больше не уходить так надолго и жалобно плачет. Сердце сжимается в груди от его слёз, и я плачу вместе с ним, обещая, что больше такого не повторится. Мало того, что я слетала впустую, премию не получила, с лестницы упала, так ещё и Сима добивает меня словами, что сын очень тосковал и даже приболел в моё отсутствие.

Постепенно жизнь возвращается в привычное русло, и мне даже кажется, будто наша встреча с Динаром после долгой разлуки – плод моего больного воображения. А ещё я стала чаще обычного ловить себя на мысли, что Асадов имеет право знать о сыне, вот только где гарантии, что попытка сообщить ему об этой новости не обернётся для меня непредсказуемыми последствиями и я не пожалею о принятом решении?

– В тебе что-то изменилось после возвращения из Москвы, – замечает Яна, когда я появляюсь в офисе.

– Правда? И что же?

– Ты всё время ходишь задумчивая. Что случилось? Только не говори, что это из-за того контракта, который вы упустили. Витя мне весь мозг выел, что лишился выгодного сотрудничества. Всё пытается понять, где допустил ошибку. Но ты же явно не о контракте думаешь?

– Илья предлагает мне поехать в Питер. Я немного переживаю, как Тим перенесёт поездку.

Яна разглядывает меня озорным взглядом.

– Да нормально перенесёт. Что ты как насадка? Тем более вы с ним как-то летали домой, и всё было хорошо. А с Ракитиным у вас что? Так и ходит вокруг да около? Когда уже решится на серьёзные шаги? Жуть как хочется на чьей-нибудь свадьбе погулять.

– Замуж пока не звал. Так что наряды можешь не приглядывать. Если вдруг позовёт, тебе первой сообщу.

Но лучше бы Илья не торопился ни с какими громкими заявлениями. Я хочу быть уверена в том, что принимаю правильное решение, а появление Динара разбередило душу. Так хочется с кем-то поделиться всем, что произошло в Москве, своими сомнениями насчёт Асадова. Я устала таскать эти тяжёлые камни за пазухой. И Яне ничего рассказать не могу. Виктор ведь из-за меня выгодный контракт потерял.

Вечером за мной заезжает Илья и предлагает погулять в парке втроём. Пока Тимур катается на самокате, мы делимся последними новостями, обсуждаем новую сделку Ильи, и я немного отвлекаюсь от мрачных мыслей, которые не дают покоя.

– Наташ, ну так что? Ты подумала? Полетишь со мной в Питер? Соглашайся, а? Ну или представь, что это командировка и ты не можешь от неё отказаться? Мы так редко видимся. Я, если выбью себе какую-нибудь хорошую должность в городе, сразу же куплю просторную квартиру и заберу вас к себе, – мечтает Илья. – Здесь всё осточертело. Я же сюда в ссылку попал. Будь моя воля, в это захолустье никогда бы не приехал.

– Нормальное здесь место, Илья. Самое то для ребёнка. С Симой я поговорила. Она согласилась полететь вместе с нами. Так что... две недели мы в твоём распоряжении. Ну почти в твоём, так как жить с твоими родителями нам всё же рано, но ты можешь быть частым гостем у нас дома.

Илья нежно обхватывает моё лицо руками и долго смотрит в глаза.

– Наташка... Я обещаю, ты не пожалеешь об этом решении. А потом и вовсе не захочешь возвращаться, – произносит он и целует меня в губы.

14 глава

Наташа

– Наташа, ну какой же красивый дом! Не перестаю им восхищаться. Сразу видно, что делали всё с душой. Ни в какое сравнение не идёт с квартирой, где вы сейчас живёте с Тимурчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/doronina_slava/devochka-iz-proshlogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)